

A movie poster featuring a man in a dark green military uniform with gold buttons and a red collar. He has a serious expression and is holding a rifle. In the background, other soldiers in similar uniforms are visible. The entire scene is framed by a glowing orange and yellow border that resembles flames or a sunset.

Андрей Булычев

ЕГЕРЬ
ИМПЕРАТРИЦЫ

ВОЙНА НА ДУНАЕ

Егеръ Императрицы

Андрей Булычев

**Егеръ императрицы.
Война на Дунае**

«Автор»

2023

Булычев А.

Егерь императрицы. Война на Дунае / А. Булычев — «Автор»,
2023 — (Егерь Императрицы)

1790 год на Дунае уходит под грохот ружейных залпов и визг картечи. Под натиском русских войск пали турецкие Килия, Тульча, Исакча, но Измаил, обороняемый многочисленным гарнизоном, продолжал держаться, и только лишь 11 декабря был взят Суворовым после кровопролитного штурма. Войска султана деморализованы, и самое время ставить победную точку в этой войне.

© Булычев А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть I. Дунайские поиски	6
Глава 1. Одиннадцать крестов!	6
Глава 2. Первый дозор	14
Глава 3. Полевой лагерь русской императорской армии	18
Глава 4. Второй батальон, первая рота поручика Бегова	24
Глава 5. Отпустили бы вы меня в полк...	28
Глава 6. Бой у реки	32
Глава 7. Беслы!	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андрей Булычев
Егеръ императрицы. Война на Дунае
Андрей Булычев

* * *

Часть I. Дунайские поиски

Глава 1. Одиннадцать крестов!

– Правую руку вверх. Ещё чуть выше её поднимите, Алексей Петрович, – попросил Егорова главный госпитальный врач. – Стоп, стоп, всё, хватит, достаточно! – воскликнул он, заметив, как раненый вдруг сморщился от боли. – Ну что же это вы, господин полковник, так резко её дёргаете? Тихонечко ведь, осторожно своей ручкой двигать вам нужно! У вас же ещё на груди все рёбра как следует не срослись, а вы вон, словно на плацу своей дланью машете. Эдак ведь и никакими хрящами ваша рубленая кость не обрастет, ежели её так вот тревожить. А теперь чуть в сторону, и совсем немного вбок свой правый локоток заведите. Вот так вот, так, хорошо. Только плавненько, плавненько им двигайте, – ворковал, словно с малым ребёнком, седой старенький доктор.

– Ну что, Илья Павлович, очень даже хорошо, очень, знаете ли, прилично у нашего господина полковника его боевые раны затягиваются, – повернулся он к стоящему подле походной кровати Егорова полковому врачу. – На ноге и на руке кости все целые и жилы не перебиты, а ведь это, согласитесь, – самое главное в таком вот деле. Ну и по рассечению грудины у меня, кстати, весьма обнадеживающий прогноз. Выходит, всё-таки правы вы были с этим вашим Болонским корсетом. Очень, знаете ли, занятная у него конструкция. Ну что сказать – Европа, благословенные итальянские земли. Чувствуется, понимаете ли, передовая медицинская, научная мысль. Увы, отстали мы в этом деле от западных академикусов, теперь только и остаётся их нагонять.

– Ничего, нагоним, Дементий Фомич, – хмыкнул Дьяков. – Русские ведь долго запрягают, да зато вот ездят быстро. Онисим, вот тут на спине затянешь немножко, гляжу я, слабинка есть у шнуровки, – подозвал он ближе стоящего наготове старшего лекаря. – Мазурина себе для помощи крикни, пускай он поможет тебе. Да смотрите не перестарайтесь только, чтобы самое главное рассечение в покое оставалось.

– Дементий Фомич, Илья Павлович, может, всё же разрешите мне из палатки выходить? – проговорил негромко раненый. – Ну вы сами согласитесь, господа – как такие прогулки на свежем воздухе полезны?

– Так, Алексей, ты вот сейчас это даже не начинай! – нахмурился главный врач Дунайской армии. – Вот только месяц прошел, как в себя пришёл, а всё туда же! Скакать ему, видишь ли, нужно, прогуливаться по лагерю! Чай уж не прапорщик давно, не юнец, коего я ещё с той, с Румянцевской кампании помню, а вон, ажно целый полковник. Пример своим людям должен подавать, как надобно безупречно все врачебные указания для быстрого выздоровления исполнять. Да и приказ их светлости ведь никто пока не отменял – жизни раненых всячески сберечь, лечить их серьёзно и всякое убытие к своим полкам после Измаильского приступа производить строго через главное армейское квартирмейстерство, опосля врачебной комиссии. Так что успокаиваемся, Алексей, и как только тебе поправят корсет, ложимся в постельку и спим. Всё, всё, разговор окончен, – перебил он попробовавшего было возразить полковника. – Тут всё-таки в госпитале я за главнокомандующего и в своём полном праве, так что ты мне не перечь. А для свежести воздуха шатёр вам проветрят, как только мы уйдём. Это уж я накажу. Только ты гляди у меня, братец, чтобы господа не застудились! – погрозил он пальцем переминающемуся у походной жаровни нестроевому солдату. – А то ведь у Дуная январь в этом году вона какой холодный. И не скажешь даже, что мы на юге сейчас стоим. Снежком, словно бы в Костроме или в Твери, волжские берега присыпало. Так, ну ладно, в этом офицерском шатре мы прапорщика в полк отпустили, а господин Милорадович, пожалуй, ещё на пару неделек

тут задержится. Ну а Дмитрию Александровичу, ему о выписке и думать ещё даже пока рано. Пожалуй, пойдёмте-ка мы далее, Илья Павлович, у вас там из полковых ещё два офицерских шатра имеется и дюжина для нижних чинов. А помимо того, мне за сегодня ещё и лазареты Фанагорийского, Апшеронского и Полоцкого полков пройти нужно, и ежели получится, то и егерей Кутузова хорошо бы успеть осмотреть. До свидания, господа, – окинул он взглядом раненых. – Соблюдаем все врачебные предписания строго и неукоснительно. Бог даст, через три, может, через четыре дня я к вам ещё зайду. Выздоровливайте.

– До свидания! До свидания, Дементий Фомич! – попрощались со старичком все лежащие в шатре, и тот продолжил обход своего разросшегося после кровопролитного Измаильского штурма хозяйства.

Стринадко Онисим крикнул подлекаря, и они вместе с дядькой начали поправлять хитрый корсет на полковнике.

– Вашвысокблагородие, чуток бы вам выдохнуть и потом замереть надобно, – попросил Акакий Спиридонович. – И не в полную грудь лучше бы вдыхать, а так, наполовину, а то у нас тут стяжки никакой нет.

Дело было привычное, и Алексей, кивнув головой, подчинился. Процедура была не из приятных. Двигаться и даже дышать было непросто. Но что же поделать, когда у тебя рассечены три ребра и ещё надломлено четвёртое. Вот только недавно научился Лёшка заново сидеть на походной кровати, облокотившись на валик из подушек, и втихаря, осторожно, когда рядом не было лекарей, он даже несколько раз умудрился встать на ноги. Видел бы всё это полковой врач Дьяков, и скандала бы точно не миновать! Голова у Егорова кружилась от слабости, в груди дёргалось резкой и острой болью, и каждый глубокий вздох заставлял сжимать зубы, чтобы не застонать.

– Движение это жизнь, Радован, – пояснял он сочувственно глядящему на него Милорадовичу. – Через не могу, через боль, а всё равно нужно мне расхаживаться, иначе я в калеку скособоченного превращусь. На что вам полковой командир кривобокий нужен, а?

– Хорошо Кузьке, – пробормотал лежащий справа Толстой, – вон, когда нас навещал, зараза, как у него морда радостно светилась! Месяц ведь тут не пробыл, и уже в полк. Эх, я бы сейчас тоже по свежему снежку ногами потопал. Говорят, чуть ли не по колено вчера напал. Правда, нет ли, а, Спиридонович? – спросил он у завязывающего узел на корсетной шнуровке подлекаря.

– Так точно, вашвысокоблагородие, истину глаголете, а в низине так и поглубже даже, – кивнул тот и помог лечь командиру. – Между шатрами и палатками тропинки натоптали, лопатами-то не больно намашешься. Так что мы тут всё больше ножками, чтобы удобственно ходить было. Да всё равно долго ему не лежать – как только ветер с моря подует, дождь принесёт, два дня прольёт он, и опять по грязи чавкать. Дурная какая-то погода здесь, одним словом, туретчина она и есть туретчина.

– Тогда уж, Спиридонович, это Валахия или Молдавских господарей земля, эдак её правильней назвать, – приподнял голову с подушки Радован. – А вот туретчина – это, пожалуй, уже ближе к Румелии, или вовсе даже к Балканским горам.

– А-а, – отмахнулся дядька, – по мне, ваше благородие, что Валахия, что Румлия – всё едино, всё это чужая для нас земля. А туретчиной почему зову, потому как турка её топчет.

– Ничего, скоро частью Новороссии будет, – негромко проговорил Егоров, – тут земля обильно уже нашей кровью полита. Акакий Спиридонович, ты бы накинул на меня тулупчик, зябко мне что-то.

– Ой, господи! – всплеснул руками подлекарь. – Филька! А ну-ка, дурень, быстро входной полог опусти! Застудили мы с тобой шатёр у господ офицеров! Нате вам – напроветривали! И жаровню сильнеей пошуруди, а то вон угли еле-еле в ней тлеют!

Нестроевой метнулся ко входу и опустил вниз тяжёлый полог. В шатре, освещаемом изнутри подвесным масляным светильником, сразу же стало темнее.

– Интендантские запросы позже, Генрих Фридрихович, посмотрим, давай-ка мы пока по спискам представлений к награждению пройдемся, – попросил своего главного квартирмейстера Потёмкин. – Вот прямо на самих торжествах по случаю Измаильской виктории я и подам их матушке императрице эдаким красиво оформленным свитком, да ещё и в лавровом венке. Думаю, это будет весьма эффектно выглядеть!

Григорий Александрович откинулся на спинку своего резного кресла и, прикрыв глаз, перенёсся в своих мечтах за тысячи вёрст к северу от Дуная. Туда, где была его милая Катенька, для всех же остальных Всепресветлейшая, Державнейшая, Всемиловитейшая, и прочее, и прочее... Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссийская – Екатерина Алексеевна. По благородному, нарумяненному, крупному лицу генерала-фельдмаршала словно бы пробежала тень, он нахмурился и, открыв глаз, взмахнул тяжёлой дланью, будто отгоняя худые мысли. Его светлость тревожили дурные вести, долетающие из столицы – всё больше внимание императрицы в последнее время перетягивал на себя её молодой фаворит Платон Зубов. Сам-то он не очень страшил весьма искушённого в интригах князя. Шестидесятилетняя «Катенька» вот уже десять лет как отказалась от услуг мужчин зрелого возраста и перенесла своё внимание на двадцатилетних молодцев-гвардейцев. И князь даже сам участвовал в подборе кандидатов на эту «весьма ответственную государственную должность». Но вот Платона Зубова тиснул туда граф Салтыков, принадлежащий к партии придворных, что была враждебна Потёмкину. А за спиной у Платоши стояла многочисленная и жадная свора родственников, в которой было немало явных врагов светлейшего. Генерал-фельдмаршал нутром чувствовал исходящую от всей этой дворцовой комбинации опасность, и с этим нужно было срочно что-то делать.

– И все знамёна, бунчуки и отрядные значки, захваченные в последний год у турок, надобно собрать воедино, – проговорил он задумчиво. – А сюда же в столичный обоз ещё и трофеев видных положить, ковров ярких восточных, шелковых занавесей из шатров сераскира и пашей, оружия османского побольше – ятаганов, сабель в богатых ножнах, ружей с длинными стволами, даже и несколько фальконетов можно взять для авантюристов. Николай Васильевич, – повернулся Потёмкин к сидящему за столом Репнину, – поручи-ка ты нашему главному интенданту, чтобы он поискал получше что-нибудь особенное такое в трофейном. Знаешь, эдакое, чудное и яркое, такое, чем нашу столичную, пресыщенную публику можно было бы весьма заинтересовать и удивить. У меня ведь в недавно построенном Таврическом дворце намечается грандиозное торжество по случаю нашей блистательной победы под Измаилом. Так что надобно не ударить там лицом в грязь. Всё-таки вся столичная знать и все иностранные посланники на празднествах будут присутствовать. Хочется, господа, чтобы и матушка императрица от души порадовалась, – произнёс он задумчиво. – Так, ну ладно, Генрих Фридрихович, списки награждаемых у тебя, я надеюсь, все по полкам и отдельным батальонам разбиты? Тогда озвучивай их, а мы с князем, если что вдруг не так, тебя поправим, – кивнул он на сидящего рядом генерал-аншефа Репнина.

– Вашвысокоблагородие! – заглянул в госпитальный шатёр вестовой. – В лагере барабаны уже к ужину бьют. Разрешите и вам сюда съестное заносить?

Алексей чуть приподнялся на локтях, правый бок резануло острой болью, и он непроизвольно закряхтел.

– Так вроде бы рано ещё, Никита? Вот только ведь недавно же обед был, а сразу после него и большой врачебный обход?

– Не-е, вашвысокоблагородие, вы что-о?! – протянул тот. – Так это когда же ещё было-то? Ещё ведь засветло, а нонче-то вона уже какая темень во дворе! Вы, Ляксей Петрович, вместе с господами офицерами уснуть сразу изволили, как только врачи из шатра ушли. А ведь это сколько часов назад ещё было. А вам же кушать надо. Коли вы не покушаете, так Илья Павлович шибко всех заругает. Госпитальный распорядок это ведь дело очень даже сурьёзное, – покачал он с важностью головой.

– Да-а, ну если распорядок, тогда конечно, – хмыкнул лежащий рядом Толстой. – С врачами ссориться негоже, коли ты в их власти находишься. Так ведь, господин полковник? Правильно я говорю?

– Так, так, Дмитрий Александрович, правильно, – согласился с ним Лёшка. – Заноси ужин, Никита. Только ты ещё и ту дощечку широкую, с полозьями ножками, и её тоже сюда принеси. Я с неё сам как с подноса есть буду, безо всяких там нянек. Чай уж ложку и кус хлеба сумею ко рту поднести.

Вскоре в палатку зашли интендантские солдаты и занесли офицерский порцион «для выздоравливающих». Разработан он был лично полковым врачом егерей Дьяковым Ильёй Павловичем и, по его утверждению, способствовал заживлению ран и лучшему кроветворению. На сегодня это была овсяная каша, варёная говяжья печень, чашка куриного бульона, немного орехов с сухофруктами и одно яйцо. Неслыханное богатство в тех местах, где стояла масса служивого народа. Как уж выкручивался с таким порционом старший интендант полка Рогозин Алексей Павлович, давно занимало умы раненых и очень активно ими обсуждалось. Но факт оставался фактом – кроме обычного армейского порциона у находящихся на излечении егерей был ещё солидный приварок. И касалось это не только господ офицеров, но и всех нижних чинов.

– Похоже, пару лет в окрестностях петушиного крика не будет слышно, – шутили в госпитальных шатрах, – всех курей интендантские у местных уже в округе скупили. Фуражные партии аж на тот берег, чуть ли не под Бабадаг отправляли, прямо из-под носа у турок они выторговывали провиант. Благо те словно робкие мыши по укреплениям покамест сидят. До сих пор ещё ошарашены после Измаильского приступа.

– Ваше высокоблагородие, а это вам отвар шиповниковый, – Никита поставил на скамейку у кровати исходящую паром глиняную кружку. – Велено каждому его давать, потому как шибко он полезительный.

– Забери, братец, наелся я, от души сегодня наложили, невмочь уже, – Алексей устало откинулся на подставленный ему под спину валик из турецких подушек и тяжело вздохнул.

– Ну как же так мало-то сегодня мы поели, вашбродь? – Негромко ворча под нос, вестовой убрал недоеденное с самодельного подноса. – Ведь чтобы силы были, кушать больше надобно, а вы вон даже и половины сегодня не осилили.

– Всё, не могу я больше, – покрутил головой Егоров. – Не двигаюсь, только и делаю, что лежу. Другое дело ходил бы. Мить, Радован, возьмите орехи и сушёные груши? – предложил он раненым товарищам. – А я вон шиповникового отвара лучше попою.

Входной полог откинулся, и, стряхивая с шинелей налипший снег, в шатёр с улицы одна за другой нырнули три фигуры.

– Ну, я же вам говорил, что рано! – огорчённо проговорил зашедший первым Гусев. – Не закончили они ещё тут с трапезой, а вы все талдычите – пошли да пошли!

– Здравия желаю, Алексей Петрович! – хором рывкнула троица, поприветствовав командира полка. – Здравствуйте, господа! – поздоровались они с лежащими на походных кроватях ранеными офицерами.

– Привет, братишка, – крикнул Радовану старший Милорадович. – Молодец, на лице, я гляжу, румянец даже появился!

В шатре сразу же стало тесно. Посыпались шутки, зазвучал громкий смех. На стоящие возле каждого раненого столики выложили гостинцы из фруктов и какие-то восточные сладости.

– Никита, за скамьёй сбегай, а то ведь эти медведи нам тут всё скоро разнесут, – попросил вестового Егоров.

Тот выскочил наружу и вскоре вернулся с грубым деревянным изделием.

– Присаживайтесь, ребята, – попросил друзей Алексей, – в ногах правды нет. Рассказывайте, чего там нового на воле слышно? А то мы здесь, словно бы в узилище, взаперти лежим, одни лишь новости в палатке – у кого и когда перевязку будут делать, и кто сколько каши в этот раз съел. Только вы потише, братцы, хором не орите словно оглашённые – не ровён час, Дьяков услышит, всем нам тогда хорошо влетит. Тут он на госпитальном хозяйстве за старшего. Не дай бог на моё место попадёте, ох и отыграется! Ну давайте уже, не томите, рассказывайте.

– Да чего рассказывать, Алексей, мало что интересного сейчас происходит, – пожал плечами Живан. – Боевые действия после штурма Измаильской крепости совсем прекратились. Войска наши приводят себя в порядок, а о походе даже и речи нет. Турок вообще не видно, забились за стены и валы своих правобережных крепостей, даже их конные разъезды у реки не показываются. Галиоты и кончебасы де Рибаса беспрепятственно до Силистрии доходили, пожгли у Галаца и Браилова несколько османских судов и с десятков призами взяли. Вот и вся наша война. В Стамбуле большие волнения – говорят, верховного визиря под стражу посадили и виновных в последних поражениях ищут. Пока султан порядок у себя не навёл, перейти бы нам на правый берег Дуная да ударить по его ослабленным войскам! Не думаю, что они устояли бы против нас. Да их светлость, видно, не хочет рисковать, приказал до лета никаких серьёзных дел за рекой не начинать, а восстанавливать пока силы. Эх, был бы тут Александр Васильевич! – и Милорадович с досадой стукнул себя по колену. – Мы бы, наверное, уже сегодня из Бабадагского лагеря османов к Шумле гнали! Так нет же, стой и жди, когда к Дунаю обозы с рекрутскими партиями из Киева и Полтавы подгонят.

– Что, прямо так за один день собрался и уехал генерал-аншеф Суворов? – хмурясь, спросил Живана Толстой. – И даже торжественного приёма у светлейшего князя после Измаильской победы для него вовсе не было?

– Да откуда?! – махнул рукой сидящий рядом с Живаном Гусев. – Я по штабным делам в главное квартирмейстерство недавно заходил. Слышал там вполуха, что сильно гневается на него Потёмкин. Чем-то прогневал светлейшего князя Александр Васильевич. Да мне ведь особо ничего эдакого не рассказывают, это вот тебе, Мить, тебе, небось, многое бы стало известно. А нам-то, полковым офицерам, куда уж до вас, до квартирмейстерских!

– Да-а, не вовремя я тут оказался, – с досадой пробормотал Толстой. – Такие дела интересные вверху ныне творятся, а ты лежи тут, шиповниковый отвар хлебай.

– Жаль, что Суворов от армии отбыл, – скрипнув зубами, проговорил Алексей. – Как же это не вовремя! Вот уж кому-кому, а это ему бы победную точку во всей этой войне ставить! Помяните моё слово, господа, надолго у турок сил и духа не хватит с нами далее сражаться. Ещё пара битв, и начнут они выгодный для себя мир выторговывать.

– Да уже после прошлогоднего Рымника и Фокшан начали, – усмехнулся Толстой. – Что же вы думаете, зря, что ли, Прусский и Английский посланник возле их светлости выются? Хотят сиятельные господа посредниками между воюющими державами быть и пользу с того для себя поиметь. Вот и интригуют, между нами и турками мечутся. Да Потёмкин он и сам ведь не прост, держит их подле себя, обнадёживает, но на переговоры о мире слабой стороной никак не соглашается идти. А вот для сильной стороны, на них ему нужен полный разгром противника, чтобы диктовать свои условия проигравшему. Вот так-то, господа! Каждый лишь о пользе для себя печётся, а тут ещё и Польша с Австрией к дипломатическим дрязгам недавно подключились, думают, а может, и для себя им какой кус под шумок удастся урвать. Очень

непростая комбинация сейчас складывается. Поговаривают, что Англия большую эскадру против нас готовит, а Пруссия свои войска на восточную границу у наших западных губерний выставила. Шведов этих накручивают, чтобы они опять на войну с нами решились. Польская шляхта с цесарцами новые полки формируют, а британцы им активно оружие продают. Видите, как оно? Целая коалиция против России образуется. И тут нам долго с этой войной против турок никак нельзя затягивать, а то дождёмся, не дай бог, что супротив всей Европы придётся сражаться. Правильно Алексей говорит, нужно быстрее добивать османов и ставить победную точку на своих условиях. Только вы уж смотрите, господа, – нахмурившись, проговорил Митя, – я с вами как с самыми близкими тут разоткровенничался. Сдружился после всего того, что нам вместе довелось пережить. Так что вы уж, прошу, держите язык за зубами.

– Да что мы совсем, что ли, глупые, по-твоему, Мить? – хмыкнул Живан. – Неужто не понимаем, где, что и с кем можно говорить? Не волнуйся, всё здесь, с нами и останется.

– Само собой. Так и есть, – кивнули, соглашаясь с Милорадовичем, Гусев и Кулгунин. – Нам в дипломатические и тайные дела вообще не с руки нырять, у нас и своих, полковых, бескрайнее море имеется.

– Вот и правильно, – подвёл итог этому разговору Алексей, – больше к дипломатическим делам не возвращаемся. Давайте лучше о своих, о полковых поговорим. Что там у нас по людям, Сергей? Нет подвижек в комплектовании?

– С нижними чинами как раз подвижки хорошие имеются, – немного подумав, ответил Гусев. – За этот месяц больше ста, а уж если быть точным, то сто девять рядовых и унтеров из пехотинцев и из егерских корпусов к нам в полк перевелись. И ещё больше бы их, пожалуй, перешло бы, да ведь у всех большая убыль людей при последнем штурме случилась, так что командиры солдат у себя придерживают, как только могут. Ну да ничего, постепенно всех переманим, всех к себе выдернем, – усмехнулся главный полковой квартирмейстер. – У наших волкодавов ведь большой авторитет и слава в армии и, что тоже немаловажно: порцион с окладом повышенные. Так что обязательно перейдут. Дальше, половина наших раненых, у кого ранения полегче, за этот месяц из лазарета уже в роты вернулись. Остальные, те, кто не калеки, тоже по мере поправки туда же скоро придут. Меня сейчас больше волнует, как бы нам офицерский состав восстановить. Девять человек мы безвозвратно потеряли. Двух ротных командиров, с третьей и с четвёртой рот, поручиков Алексеева и Рожкова похоронили, а с третьей второго батальона так ещё и заместителя подпоручика Устинова. Остальные шестеро – это все полуротные прапорщики. Командиров рот, как и обговаривали, мы заместили, теперь вот нужно как-то ещё и нижнее офицерское звено укомплектовать. Алексей Петрович, из своих унтер-офицеров для сдачи на первый офицерский чин у нас человек восемь-девять. Никак я не смогу пока больше представить. Да и то они все сырые, не было ведь времени с ними усердно готовиться. Так что, боюсь, не сдадут испытание многие. Может, всё-таки сразу забрать переводом уже чужих, готовых армейских прапорщиков и подпоручиков? У нас ведь сейчас есть большой выбор.

– Нет, Сергей Владимирович, не согласен, – покачал головой командир полка. – Ты тут по лёгкому пути стараешься сейчас пойти. Понимаю, что с подготовкой наших кандидатов для испытаний это та ещё морока. Но согласились, наш унтер – это ведь уже готовый полуротный командир. Если он из рядовых егерей и на ступень вверх сумел выйти, то значит, и дальше ещё сможет шагнуть. Значит, у него командирские способности имеются, и он егерскую службу на отлично знает. Просто так ведь у нас на старшинство никого не назначают, самым первым тут ходатаем сама егерская артель и стрелковый плутонг выступают. А уж там человека очень хорошо видно. А вот господа офицеры, переведенные из других подразделений, ещё неизвестно, как себя дальше у нас покажут. Сам знаешь, всякое с ними бывало...

– ...Да, согласен, тут в Полоцком пехотном полку, командиру Владимира на грудь, а его заместителю Георгиевский крест как раз впору будет, – одобрительно кивнул Потёмкин. – Они самолично колонну завели за стены и потом в первых рядах своих солдат по городским улицам пробивались. И ещё тем трём офицерам, про которых в формуляре прописали, тоже Георгия оставляйте. Буду ходатайствовать за них в Санкт-Петербурге перед орденским капитулом. Отважно сей Полоцкий полк действовал – и при вылазке янычар он не дрогнул, и в сам город яростно ворвался. Молодцы полоцкие мушкетёры! Всем остальным отличившимся их офицерам буду просить у матушки императрицы задуманный мной золотой крест, наподобие Очаковского, с бантом на георгиевской ленте. – Князь благожелательно кивнул главному квартирмейстеру Дунайской армии. – Кто там у нас, Генрих Фридрихович, дальше по общему списку идёт?

– Особый, отдельный полк егерей, – перелистнув списки, зачитал следующую страницу фон Оффенберг. – Проявив себя в сражении при Килии и у Измаильских предместий, стрелки полковника Егорова Алексея Петровича отменно показали себя и при осаде самой крепости Измаил, поражая османский гарнизон своими точными выстрелами, и отбивая его многочисленные вылазки. При самом же штурме участвовали в отражении контратаки корпуса янычар и одними из первых взойшли на главную, северную стену крепости. Особо отважно егеря проявили себя внутри Измаила, пробиваясь по его улицам к дворцу бывшего крымского хана Кап-лан Герая. Где и отразили яростный натиск вражеской конницы во главе с алаем гвардии султана, большей частью перебив неприятеля, но и сами при этом понесли потери. За проявленную храбрость в осенних боях, и особенно при штурме Измаила, ходатайствую к награждению:

Орденом Святого Георгия третьей степени с производством в бригадирский чин командира особого полка егерей – Егорова Алексея Петровича. К тому же тяжелораненого у ханского дворца.

Орденом Святого Владимира четвёртой степени с производством в чин полковника – заместителя командира полка Милорадовича Живана Николаевича.

Этим же орденом – квартирмейстера полка Гусева Сергея Владимировича, с присвоением ему чина подполковник.

Орденами Святого Георгия четвёртой степени: капитана-поручика Милорадовича Радована Николаевича. Поручиков Максимова Леонида Дмитриевича, Бегова Ивана Ильича, Воробьёва Андрея Ивановича, Осокина Тимофея Захаровича, Тарасова Сергея Сергеевича, Ширкина Вадима Валерьяновича, Топоркова Григория Васильевича. С присвоением всем перечисленным следующих чинов к уже имеющимся, согласно «Табели о рангах».

А также ходатайствую о награждении Орденом Святого Георгия полкового священника, Валентина Попова, за его беспримерное мужество, проявленное им при отбитии атаки янычар под Измаилом.

– Помилуй Бог, Генрих Фридрихович, одиннадцать крестов я только что насчитал! – воскликнул Потёмкин. – Знаю я, как благоволишь ты и генерал-аншеф Суворов к Егорову и к его егерям. Однако же полагаю, что сугубо по справедливости сие дело нам лучше решать. Что другие-то полковые командиры скажут, из гренадёров, мушкетёров или драгун? Да вот даже от егерских корпусов, что участвовали в Измаильском сражении? Что коли полк при главном армейском квартирмейстерстве состоит, так и крестов ему в два раза больше можно давать? Ты-то как сам считаешь, а, Николай Васильевич? – обратился он к своему заместителю. – Справедливо я сужу, али придираюсь к любимчикам Суворова?

– Ну как же не справедливо, всё правильно вы говорите, Григорий Александрович, – пожал плечами Репнин. – Все полки и корпуса при штурме одинаково храбро действовали. Как же кого-то из них возвеличивать перед всеми другими? А по Егорову так и вообще можно было бы разобраться. Как это он начальственного приказа ослушался и один перед Измаилом

остался на ретраншементах, когда все другие снялись? Уж больно много своеволия позволяет себе господин полковник, другому бы за такое трибунал...

– Ну ладно, ладно, ты уж не перегибай палку-то, Васильевич! – отмахнулся Потёмкин. – Так-то всё ладно там получилось. Егоровский полк на осадных укреплениях стоять остался и даже вылазку конной гвардии султана отбил. Значит, и армия наша полностью не отошла от Измаила, а просто она... эдакий искусный манёвр для занятия лучшего положения перед штурмом исполняла. А тут как раз вовремя и наделённый от меня полномочиями генерал-аншеф Суворов к ней прибыл, и снова отходящие войска по всем своим позициям как надо расставил. Не нужны нам тут лишние пересуды. Измаильский штурм был безупречно спланирован и отменно проведён доблестным войском матушки императрицы! И точка! Но и перехваливать Егорова, ты прав, мы тоже не будем. Когда уж он там, Генрих Фридрихович, полковника и последний наградной крест получил?

– Чин за Очаков, ваша светлость, ему был жалован, – немного подумав, ответил главный квартирмейстер. – За него же и золотой офицерский крест, что по вашему предложению утвердили, он получил. А вот Владимиром четвёртой степени Егоров был раньше, ещё за бои на Кинбургской косе награждён.

– Ну вот, я же говорил! – воскликнул Потёмкин. – Всё справедливо у нас! Никого мы не обходим наградами. Всем по их заслугам воздаём. Так, оставляй четыре «Георгия» для офицеров полка, и для священника ещё пятый пропиши. Я матушке императрице про его подвиг уже докладывал в недавнем письме. Чай не оставит она его без своей милости. Всем остальным, включая и командира полка, золотой офицерский крест за проявленную храбрость вручим. Вот и будет у твоего Егорова целый иконостас на груди, рядом с «Георгием» и «Владимиром» ещё и Очаковский с Измаильским крестом засверкают.

– Слушаюсь, ваша светлость, – склонил голову фон Оффенберг. – По поводу производства остальных офицеров в вышестоящие чины вы не возражаете? Полк молодой, только недавно сформированный, многими ротами в нём поручики командуют.

– Не возражаю, – милостиво кивнул генерал-фельдмаршал. – Сам молодым был, помню, как радовался, когда на офицерском горжете ободок или орёл золотом покрывался. Ладно, дальше кто там у нас?

– Если позволите, ваша светлость, то Херсонский гренадерский полк, – перелистнул страницу барон.

– Зачитывайте, Генрих Фридрихович, – разрешил Потёмкин. – У нас ещё с вами половина полков не озвучена, а уже время для ужина подходит. Сегодня новый Прусский атташе приём устраивает. Вы случайно его не знаете?

Глава 2. Первый дозор

– Ваше благородие, тихо на укреплениях, – кивнул на темнеющие в ночи редуты Лужин. – Караулы турецкие, как и обычно, через каждые пару десятков шагов по самому верху стоят. Проверяющие нет-нет да ходят, ругают там их. А вот большой конный дозор, тот ещё пока не вернулся в крепость, видать, где-то у реки он сейчас рыщет. Как бы на наш кончебас ненароком там не наткнулся.

– Не наткнется, – проговорил задумчиво подпоручик. – Моряки должны были у острова с той, с дальней стороны на протоке встать. Это вот нам, здесь, придётся ухо остро держать, чтобы на отходе вдруг с сипахами не пересечься. Ладно, Евграфович, готовь людей к быстрому маршу, скоро рассвет уже, поспешать нужно, – и, приподнявшись со своей лежки, перебежал вглубь кустарника.

– Слушаюсь, вашбродь, – кивнул сержант и, сноровисто разровняв снег в том месте, где они только что лежали с командиром, нырнул в левую сторону. – Соловей, передай дальше по цепи, по сигналу командира быстро отходим к берегу, – приглушённо проговорил он, заметив фигуру в белом. – Впереди всех быть плутонгу Быкова, замыкающим ты, Ванька, со своим отделением пойдёшь. Шевелитесь, братцы, до рассвета у нас едва ли час времени остался!

Седьмой день полсотни егерей под командованием подпоручика Воронцова вели наблюдение у турецкой крепости Исакча на правом берегу Дуная. Другая полусотня из дозорной роты во главе с её командиром, поручиком Осокиным, в это время приглядывала за Тульчой и за дорогой к Бабадагскому лагерю турок. Неделя разведывательного выхода роты подходила к концу, и в условленном месте каждый из этих отрядов должен был ожидать суда Дунайской флотилии.

– Бегом, братцы, бегом! – подгонял одетых во всё белое егерей Быков. – Еле-еле ведь тянемся! Эдак если и дальше будет, так нас и заслон Соловья совсем скоро догонит. Вот уж позору тогда не оберёмся!

– Устали ребятаки, – выдохнул бегущий рядом Леонтьев, – в эту, в последнюю ночь ведь и глаз никто даже не сомкнул, Егор Онисимович. А до неё сколько на своём пузе под самой крепостью ещё проползали! Вот и вымотались.

– Ничего, Мишань, в полковом лагере все отдохнём, отлежимся, – пообещал подпрапорщик. – Нам бы только с чужого берега поскорее убраться.

Вот и поросший кустарником холм с огибающим его и уходящим в сторону реки глубоким оврагом. Место приметное. Именно здесь и проходили неделю назад егеря после высадки с галиотов. Значит, и река уже недалеко, сотни три шагов по прямой – и будет её обрывистый правый берег. А выходить на него как раз лучше по этому оврагу. Не увидишь со стороны, да и место удачное для посадки на суда.

– Плахин, ныряй со своим десятком, – махнул рукой вниз Быков, указывая на дно оврага капралу. – Бежишь дальше до приметного места, отыскиваешь там челнок и отправляешь двоих к острову. Пускай моряки не мешкая за нами сюда подходят. Совсем скоро весь наш отряд уже к реке выскочит.

Отделение скатилось по склону оврага и понеслось по нему в северную сторону, а подпрапорщик уже командовал оставшимися с ним людьми.

– Мишаня, своих людей у овражной петли расставляй! Тут на дороге, перед холмом самое нехорошее, самое узкое место, очень оно удобное, чтобы туркам отряд перехватить. Фрол, Данила, а вы на самую вершину забежите, и оттуда окрестности оглядывайте, особенно скрытую от нас сторону смотрите. Ночью, конечно, тот ещё этот огляд. Ну да тьма-то потихоньку расходится, вдруг и разглядите чего на снегу?

Двое, уяснив, что от них требуется, кивнули и потопали вверх по пологому склону поросшей кустарником возвышенности, а оставшаяся у оврага дюжина егерей распределилась перед дорожной петлёй.

– Уж, возьми Малого, пробегись сотню шагов по дороге, – попросил опытного егеря Леонтьев. – Не нравится мне это место, с той стороны ничего нам не видно и не слышно за холмом, а ну вдруг как вынесутся оттуда конные турки, так мы даже и к бою толком изготавиться не успеем. Как считаешь, Егор Онисимович? – спросил он у проверяющего свой штуцер подпрапорщика.

– Всё правильно, Михась, – согласился с ним Быков. – Отбегите, братцы, за поворот, только недалеко, и гренадки наготове держите, вдруг возвращаться в большой спешке придётся. Ваше дело наблюдение. Шумануть, коли увидите неприятеля, но ни в коем случае не медлить с отходом.

Пара убежала по хорошо натопанной дороге за дорожный поворот, и у оврага вновь стало тихо. Десяток человек, разбившись на тройки, напряжённо вслушивались в ночь. У каждого в руках приведённые к бою штуцера и фузеи.

– Что-то наших долго нет, – вздохнул Быков и, прикрыв полку ударного замка штуцера, встал на ноги. – По следам, что ли, пройтись да встретить их? Так-то ведь не могли они заблудиться.

– Онисимович, не суетился бы ты, а? – проворчал Леонтьев. – Ночь ведь мешаешь слушать. Если бы с нашими чего вдруг и случилось, так мы бы тогда выстрелы слышали. А коли тихо, значит, спокойно всё. Бегут они сюда, а ты уж лучше здесь посиди.

– Ладно, – вздохнул подпрапорщик и, притоптав снег, снова присел за куст у обочины. Прошло немного времени, и из перелеска позади егерей вынырнуло несколько фигур.

– Свои! – откликнулся бегущий первым егерь. – Свои, братцы! Не стрельните ненароком! За мной все спешат!

Один за другим выныривали на дорогу егеря и, проскочив по ней сотню шагов, скатывались по овражному склону вниз.

– Всё, дальше только заслон Соловья идёт, – шумно выдыхая воздух, проговорил Лужин, – с ним вместе и вы сразу уходите. Не успеваем мы в ночи к берегу выскочить. Гляди, Егор, как светлеть вон быстро начинает, – озабоченно проговорил он, оглядывая окрестности. – Ещё немного времени – и все мы как на ладони будем.

В овраг спустился по натопанному склону последний егерь из отходящего отряда, и, кивнув Леонтьеву, туда же нырнул и сам сержант. Теперь оставалось дожидаться только лишь заслон. Ещё пару минут, не больше, и можно будет с ним уходить.

Небо посветлело, погасли звёзды, и стали видны те деревья и кусты, которые только что казались тёмными бесформенными пятнами. В тишине вдруг отчётливо прозвучал стрёкот сороки.

– К бою! – рявкнул Быков. – Наши с холма сигнал подали!

Не успел он ещё договорить, как до егерей долетел грохот ружейных выстрелов, затем грохнула гренада, и из-за дорожного поворота вынырнули две фигуры. Егеря неслись по дороге сломя голову, а вслед за ними вылетала турецкая конница.

Бам! Бам! – грохнули выстрелы с холма, и скачущий самым первым всадник вылетел из седла.

«Стенку не успеем поставить! – пронеслось в голове у подпрапорщика. – Сипахов в дозоре больше трёх десятков было, выбьем головных из сёдел, а остальные следом подскочут, и накоротке всех тех, кто в овраг не успеет нырнуть, одним махом порубят!»

– Нельзя сейчас отходить, братцы! – крикнул он, выбирая свободный ход спускового крючка. – С холма не успеют наши сбежать, да и заслон весь турки вырежут! Биться будем! Це-

елься! – и взял на мушку уже наступающего Малого сипаха. – Россыпью! С распределением! Пли!

Ударило четыре выстрела, затем ещё три, потом ещё и ещё. В залповом общем огне сейчас никакого смысла не было, каждая егерская тройка выбивала свою выскакивающую из-за поворота цель, но стрелков было явно мало, чтобы справиться со всем османским дозором.

Мимо Быкова пробежали Уж с Малым. Времени, чтобы перезарядить штуцер, не было, подпрапорщик выхватил из кобуры пистоль и, намереваясь выстрелить в упор, взвёл на нём курок.

– Ура-а! – раздался клич сзади, и на дорогу выскочила с тропы дюжина человек в белых балахонах. С их стороны загрохотали выстрелы. Ударили ещё два с холма, и сипахи, не принимая ближнего боя, развернули своих коней. Вслед им грохнуло несколько пистолетных выстрелов, и около оврага вновь стало тихо.

– Всё, Егор Онисимович, уходим! – крикнул подбегающий к подпрапорщику Соловьёв. – Нет более за нами никого. Быстрее бежать надо, как бы к этим из крепости подмога не подскочила! – махнул он в сторону дорожного поворота.

– Молодец, Ваня, как же вы вовремя шуманули, – поблагодарил капрала Быков. – Увидели эти, что к нам подмога идёт, быстро назад отскочили. А так бы точно нас посекали. Придержи немного своих, вместе в овраг скатимся. Сейчас, ещё чуть-чуть – и мои двое с холма спустятся. И вот чего они только тянут?!

Два десятка егерей, воспользовавшись паузой, спешно перезаряжали оружие. Позвякивали о стволы штуцеров и фузей шомпола, щёлкали взводимые на замках курки. Стрелки действовали сноровисто, не забывая при этом оглядывать окрестности. Вдруг они, заметив какое-то шевеление, без команды вскинули свои ружья.

– Братцы, свои! – раздался знакомый голос, и из-за дорожного поворота показалась пара егерей. – Подсобите, братцы! – махнул свободной рукой один из идущих. – Язык тут у нас! Тяжёлый, зараза!

По команде подпрапорщика несколько человек подбежали и подхватили их ношу – крепкого сипаха, без шапки и с окровавленной головой.

– Нашли время языка брать, – проворчал один из помогающих егерей. – И когда только успели?!

– Егор Онисимович, мы его сразу приметили, – объяснял командиру Фрол. – Уж, ну то есть Ванька Тришин, стрельнул сразу, а потом гранату бросил и побежал. Ну вот этого сипаха тем взрывом-то и выбросило с коня на обочину. Он, видать, башкой там треснулся и не сразу, как упал, очухался. Товарищи-то его обратно все ускакали, как вы их за дорожной петлёй отбили, а он в снегу барахтается, воет, да на дорогу ползёт. Ну мы и подумали, а может, полезен будет нам язык? Тащить, конечно, его тяжело.

– Ничего, дотащим, – кивнул подпрапорщик. – Молодцы, ребята! Всё правильно сделали. Уходим, братцы! Кто с языком – меняется чаще! Бегом, бегом, все скатываемся вниз! – и махнул рукой в сторону оврага.

Не прошло и пары минут, как о пребывании у холма русских могла поведать только лишь хорошо натопанная тропа, кровь и несколько трупов сипахов возле дорожного поворота.

– Пошёл, пошёл, пошёл! – слышалось от реки.

Стучали подошвы сапог о доски судовых сходен. Фигуры людей с грязными разводами на когда-то белых балахонах перепрыгивали на палубу приставшего к берегу галиота.

Подпоручик махнул рукой Лужину:

– Всё, снимайтесь тоже, сержант! Вы самые последние.

Лужин кивнул и командовал стоящему с ружьями наготове десятку:

– На судно, бегом!

Последний егерь перескочил на галиот, и четверо матросов, поднатужившись, втянули тяжёлые сходни за борт. Команда подняла якорь, оттолкнулась шестами от берега, и судно медленно пошло по течению реки вниз. Полоса воды с кромкой льда начала увеличиваться, и вот небольшой корабль уже вышел из затона на главное русло.

Всё это время его прикрывал, стоя неподалёку, точно такой же галиот. Четыре восьми-фунтовых единорога смотрели через открытые пушечные порты на берег.

Из ближайшей рощи выкатила пара сотен конницы и поскакала в сторону реки.

Бам! Бам! Бам! – бухали позади уходящего десанта корабельные пушки.

– Вовремя мы, Андрей Владимирович, – кивнул на отдаляющиеся деревья Лужин. – Немного затянули бы с отходом, и точно на берегу бы пришлось бой принимать.

– Это да, удачно получилось, – согласился с ним Воронцов. – Пускай теперь моряки немного постреляют, хоть погрются у орудий, а то наш капитан жалуется, что два дня они нас у острова ждали, и всё это время без огня сидели, чтобы свою стоянку не выдать. Как там наш пленный, очухался, нет ли? Пошли в каюту, Евграфович, допросим с тобой его по горячему. Ты у нас хорошо на турецком толмачишь, вот и поговорим. Глядишь, интересное чего-нибудь расскажет. Всё-таки из дозорных сипахов сам, по всем окрестностям со своими ездил.

Глава 3. Полевой лагерь русской императорской армии

– Стой! Кто идёт?! – донёсся окрик часового.
– Свои, Капитон! – откликнулся Чижов. – Новая смена. Я это! Признал, али нет?
– Пароль говори! – донёсся из темноты требовательный голос караульного.
– Калуга! – откликнулся капрал. – Отзыв давай?!
– Кострома!
– Ну всё, ребята, меняйтесь, – кивнул стоящим позади него четверым егерям разводящий. – Одна пара на виду маячит, а другая, как и положено, скрытно сидит.
– Чего у вас, ребята, тихо тут было? – спросили сменившихся караульных заступающие.
– Так-то оно да, всё тихо, – ответил Капитон. – Пару часов назад наша дозорная полусотня из галиотов высадилась и сразу же в лагерь прошла. Это та, во главе которой сам Осокин Тимофей Захарович был. Из поиска у Тульчи они возвращались. А скоро, говорят, и другая уже от Исакчи должна возвратиться. В ней подпоручик Воронцов с Лужиным Фёдором Евграфовичем за старших. Так что вы глядите, отпущенная им на разведку неделя прошла, вдруг подплывут к пристани, чтобы не стрельнули ненароком в темноте. Мы и сами ведь чуть было шум не подняли. Пароль-то давно уже сменился. Мы им: «Стой, кто идёт?!» А они нам: «Не идёт, а плывёт, дурни. Свои!» И по матушке эдак задорно ругаются. Чего уж, радостные, домой ведь вернулись. Ну понятно же, что это не турка, а наши горланят. Но и мы ведь не просто так тут стоим, а при исполнении значит, на карауле. Вот и всё равно им кричим: «Стой, стрелять будем! Пароль говори!» А галиот-то уже к брёвнам пристани подходит и сходни на них скидывает. Ну тут уж господин подпоручик лицо зажжённым трутом подсветил, чтобы мы его, значит, видели. И нам по всей форме назвался. А чего, здесь уже всё, здесь как бы и мы то, что положено, соблюдали. «С прибытием, вашбродь, – ему говорим. – Высаживайтесь. Калуга-Кострома дальше откликайтесь для пропуска».
– Ну всё, что ли, наговорились? – спросил словоохотливого караульного капрал. – Пошли в расположение, часа три ещё можно поспать до побудки.
Сменившиеся потопали по береговому склону наверх, а новый караул занял свои места.

Разбитый под Измаилом полевой лагерь русской императорской армии просыпался под бой ротных барабанов и звуки эскадронных труб. Пройдёт немного времени, и они призовут гренадёров, драгун, егерей, мушкетёров и всех остальных служивых на построение. Утренняя и вечерняя проверка в регулярных войсках – дело святое. Именно на них начальство всех рангов проверяет наличие своих людей, их внешний вид, состояние оружия, мундиров и амуниции. Ставит им задачи на день и подводит итоги их исполнения вечером. Но самое главное, оно показывает своим подчинённым, что установленный армейским уставом порядок в роте, в батальоне или эскадроне незыблем, а командиры строго следят за его исполнением. Поэтому тут всегда к месту строгость, определение виновных и непереносимое их порицание перед сослуживцами.

В первой роте второго батальона поручик Бегов прошёлся вдоль застывших по стойке смирно шеренг, проверил лично у нескольких егерей чистку и смазку ружей, разглядел у двоих в замках остатки нагара и плохо зажатый кремень курка.

– Разомлели на отдыхе, второй месяц уже без дела маетесь! – рявкнул он, багровея. – Уже и за оружием должного пригляда нет! Сапоги у всех грязные, шинели и мундиры заштопаны косоруко. Вчера после отбоя комендантские двоих бродильщиков за пределами расположения полка отловили. Позор! – выкрикнул он, потрясая кулаком. – Ладно хоть это наш, комендантский патруль был, а если бы они чужим в руки попались?! И всё равно хоть даже и своим, а позор! Егерь строевой роты, словно бы зелёный рекрут, комендантским топтунам попался! У

одного из бродяг ещё ведь и хвост на каске был! Не первый год в егерях этот подлец служит! Старший сержант! – повернулся он к стоящему на правом фланге Милушкину. – Я, конечно, к тебе со всем уважением, Авдей Никитич. Ты у меня самый старший из унтеров, бывалый и ответственный командир, но хочу заметить, что непорядок в нашей роте имеет место быть. Осталось ещё только пьянку для полного безобразия тут устроить. Даю вам и всем командирам два дня времени, чтобы привести всё ротное хозяйство и весь подчинённый личный состав в надлежащий, уставной вид! Иначе я сам попрошу полковое начальство вместо караульной службы нас на разбор тех развалин отправить, – махнул он в сторону видневшихся вдали руин Измаила. – Вот уж где все-то намаются! До сих пор ведь среди завалов в крепости трупы турок находят и к реке их потом сносят. Тоже, может быть, хочется там же поработать?!

Ротный окинул грозным взглядом застывший строй. Егеря стояли с окаменевшими, мрачными лицами. Могильщиками никому работать не хотелось.

– Егерь Горшков, егерь Дорофеев! – выкрикнул фамилии проштрафившихся поручик. – Выйти из строя! – приказал он после их отзыва. – Сии нарушители уставного порядка подлежат суровому наказанию, – кивнул он на вышедших. – Неделя им штрафных работ! Любят подлецы бродить по ночам, так ещё и комендантским попадают, вот и пусть теперь нужники да помойные ямы чистят.

– Есть неделя штрафных работ, ваше благородие! – рявкнули двое провинившихся.

– У Горшкова хвост с каски спороть! – кивнул командир роты на одного из егерей. – Не хватало ещё наш особый знак позорить. Так, сержант, а тех двоих, что своё оружие запустили, во внеочередной ночной караул сегодня же выставить! И проверьте сами у остальных со всем тщанием как огнестрельное, так и холодное. Найдёте у кого ржу и грязь, тоже вместе с ними выставляйте!

– Есть проверить всё оружие, ваше благородие! – козырнул Милушкин. – Будет исполнено!

– Встать в строй! – скомандовал ротный, и штрафники заполнили шеренгу. – Распорядок дня у нас прежний, – продолжил Бегов. – Артельные очередники до обеда в лагере на готовке. Плутонг подпрапорщика Вершкова может отдыхать в нём же после ночной караульной службы. Всем же остальным после пробежки и гимнастических занятий – утренний перекус, приборка в расположении роты, затем уход в поле для наработки егерского навыка. После обеда постижение грамоты в расположении, занятия ведёт мой заместитель подпоручик Дуров Михаил Алексеевич, – кивнул он на стоящего рядом офицера. – Ну и перед вечерним построением пару часов нам будут передавать знания в минном деле полковые пионеры. Так, далее, старший унтер-офицер второй полуроты Кузнецов Захар, а вот тебе к главному квартирмейстеру нужно идти, там сегодня всех кандидатов на сдачу офицерского чина собирают. Теперь по караульной службе, – поручик открыл толстый канцелярский журнал и сверился в нём. – После ужина в ночной караул у нас заступает плутонг Балакина. Наум, возьми к себе и тех, кого с грязным оружием на поверке поймали. Пускай делом искупают своё небрежение. Перед общим полковым разводом всех построишь и меня позовёшь, самолично проверю, как вы к ночной службе подготовились, чтобы, не дай бог, перед всеми в полку не опозориться. Ну всё, остальное уже по ходу дела уточним. Вопросы у кого есть?!

Строй молчал.

– Рота, смирно! – рявкнул поручик, оглядывая шеренги. – Вольно! – и опустил вскинутую к каске ладонь. – Старший сержант Милушкин, продолжайте проверку. Господа офицеры, пойдёте, нас в батальонном штабном шатре ждут.

Дьяков Илья Павлович со своими лекарями осмотрел лежащих в шатре офицеров, записал наблюдение в лазаретный журнал, распорядился о процедурах на текущий день для каждого раненого и пошёл дальше. Егоров откинул с себя одеяло и с криком, с зубным

скрежетом заставил себя подняться с кровати. Раз, два, три шага от постели. Он оперся о центральный шест шатра и уравнил дыхание.

– Алексей Петрович, давайте я вам помогу?! – Радован опустил ноги в стоящие рядом с кроватью сапоги и шагнул к полковнику.

– Нет, нет, я сам! – помотал тот головой. – Самому мне расхаживаться нужно. Вот ведь зараза, ты погляди, совсем нет сил, – и отпустив шест, он сделал ещё несколько шагов, дойдя до входа. Откинув полог, Алексей выглянул наружу. Шагах в десяти от шатра, ближе к лесу, на хорошо примятом снегу притоптывал часовой. Увидев выглядывающего командира, он мгновенно принял уставную стойку и, перехватив в правую руку фузею, встал «на караул». Алексей кивнул и прижал указательный палец к губам – «Тихо, братец!»

По Килийской дороге шло какое-то пехотное подразделение. За ним следом тянулся небольшой, саней в пять, обоз. В лесу тюкал топор. Вот раздался треск, а за ним глухой удар – видно, упало срубленное кем-то дерево. Слева, со стороны врачебного шатра, слышались крики, и на тропу двое нестроевых выкатили небольшие санки с закутанной в старую шинель большой посудиною. Следом за ними топал подлекарь Мазурин.

– Чаи везут, – провозгласил Алексей и, задёрнув полог, шагнул к своей кровати. – Надо бы лечь, а то Спиридонович увидит, точно Дьякову наябедничает – опять от него выговор выслушивать.

– Он может, – согласился с полковником Радован. – Алексей Петрович, я, наверное, опять завтра на выписку проситься буду. Походатайствуйте? Сил уже нет больше лежать. Рана моя подзатянулась, да и не такая она, как у вас с Дмитрием Александровичем. Там в батальоне дел море! Славка жаловался, что больше сотни молодых недавно приняли, а офицеров у нас мало, троих ведь убило и ещё столько же в лазарете лежат. Ну чего я, совсем, что ли, немощный? Ходить могу, а бегать и прыгать по временному пока. Походатайствуете?

– Кто бы за меня ходатайство дал, – проворчал Алексей. – Толстой тоже, небось, в армейское квартирмейстерство рад бы вернуться, а вот же молчит, терпит.

– Да ладно ты, Лёшка, попроси за парня, – неожиданно принял сторону Радована Митя. – Дело молодое, себя хоть вон двадцатилетним вспомни. Забыл, как свой первый крест заработал? Георгиевский. Живого места на тебе тогда ведь не было. Всего янычары посекали. А уже через месяц в штаб с палкой приковылял.

Полог сдвинулся, и двое нестроевых вкатили в шатёр сани.

– Вашвысокоблагородия, шиповниковый отвар с чабрецом и душицей на меду! – весело провозгласил нырнувший вовнутрь шатра Мазурин. – Велено по две кружки каждому наливать!

– И что же это получается, Тимофей Захарович, выходит, что оправились от удара турки? – глядя на расстеленную на походном столике карту, спросил командира разведчиков Гусев. – Чуть больше месяца со времени штурма Измаила прошло, как мыши ведь тихо сидели они в правобережных крепостях, всё тряслись, нашего удара боялись. А теперь, говоришь, снова зашевелились, подкрепления к Дунаю постоянно гонят и дозорную службу как надо поставили?

– Так точно, Сергей Владимирович, – кивнул поручик. – С основного, с Бабадагского лагеря за неделю нашего наблюдения к Тульче сотен пять пехоты и не менее трёх сотен конницы подошли. Обозы приличные постоянно по дороге туда тянутся. Воронцов докладывает, что и к Исакии примерно столько же неприятеля за неделю проследовало. Плюс ещё и пять пушек туда же тащили. Турки везде свои укрепления у Дуная правят, и дозорную службу они действительно неплохую, надо сказать, там наладили. А ведь всего лишь месяц назад за предкрепостные валы ретраншементов носа боялись высунуть. Воронцовским бой даже пришлось

принять на отходе. На них там большой разъезд сипахов неожиданно нарвался. Вот как раз тогда-то и захватили они языка. Всё равно ведь уже не удалось им по-тихому уйти.

– Ну да, и теперь турки уж точно количество своих дозоров увеличат, – вздохнул главный квартирмейстер полка. – Жаль, командир ведь настоятельно просил не беспокоить противника. Только лишь втихую нужно было за ним следить.

– Серге-ей Владимирович, ну что они, нарочно, что ли? – протянул обиженно Осокин. – Уже ведь всё, закончили там своё наблюдение, к ожидающим их галиотам для посадки следовали, а тут вдруг эти на них, да ещё и на полном скаку вынеслись.

– Ладно, ладно, – отмахнулся Гусев. – С другой стороны, пленный ваш весьма знающим оказался. Много чего он интересного нам рассказал, пока его в армейское квартирмейстерство не отправили. Значит, получается, что султан на мир после потери Измаила категорически не согласен, а хочет он за последние поражения реванш взять? Для того и скапливает большие силы на правом Дунайском берегу тут, тут и вот тут, – ткнул он карандашом в кружочки на карте. – Что уж им там дословно-то объявили? «Измаилу быть снова османским. Неверных разобьют подле его пепелища, а саму крепость опять восстановят, и на нём вновь взвьётся родной флаг, вывезенный и спасённый отважной султанской гвардией»? Вот тебе и ответ, Тимофей, почему главный стяг сераскира Мехмед-паши и ханский, крымских Гераев, так и не были найдены среди двух сотен прочих знамён.

– Беслы? – спросил его поручик.

– Они самые, – подтвердил Гусев. – Две сотни их смогли вырваться из города. Всех татар, что перед собой они пустили, вчистую перебили, и их тоже большую часть положили. Но, однако же, немногим, а всё же посчастливилось уцелеть. Зато и в живых их оставили, вопреки приказу султана казнить каждого, кто покинет крепость. Конеч-ечно! Не с пустыми ведь руками они тогда вернулись. Сам же знаешь, коли знамя осталось, значит, и полк восстановят, а ежели оно утрачено, то позор ему и расформирование, не бывать уже более такому полку. Так и с Измаильской крепостью получается. Выходит, что её историю турки тоже по-своему обыгрывают, и свои войска заранее перед грядущими сражениями вдохновляют. А пока они восстанавливают свои силы и, похоже, готовятся к переправе на наш берег. Помяни моё слово, Тимофей, зима с весенней распутицей пройдут – и вновь у Дуная жаркие баталии загремят. Вопрос только в том, на каком берегу это случится и кто первый через реку сумеет перешагнуть. Так что приказ главного квартирмейстера армии для нас остаётся неизменным – постоянно следить за турками. Вот немного они успокоятся после этого вашего выхода, люди твои, Тимофей, отдохнут, и нужно будет вам снова на тот берег заходить. Но пару недель обождать всё-таки придётся. Планирование нового вашего рейда будет уже на секунд-майоре Кулгуние. Я, Захарович, через пару дней к Бугу для краткосрочного отпуска убываю. Так что ты теперь с Олегом Николаевичем связывайся и всё с ним обговаривай, он в наши дела на османском берегу полностью посвящён.

– Ну ни в какую он не соглашается, – кивнул на сидящего рядом Курта Гусев. – Я уж ему и так, и эдак. На три месяца всего ведь – подождут, дескать, тебя дела. Упёрся. Не на кого ему, видишь ли, своё хозяйство оставить.

– Может, всё же поедешь? – спросил друга Алексей. – С сыном понянчишься, вижу ведь, как по Гришутке соскучился.

– Нет, – покачал тот головой. – Душа только рвать – и свой, и мой мальчик. Вспомни, как он убиваться, когда я уезжать от нас в прошлый побывка? А как долго плакать, когда я уехать из поместья на войну? Нет, он уже привык в Николаев быть с Катарина, с Милица... и со всеми детьми. Для него сейчас папа далеко и вернётся, когда война закончится, насовсем. Ты же сам только недавно говорить, что она не продлится и полный год. Я тебе верить. Вот

победим, я выйти в отставку и вернуться сразу на Буг, а потом мы уехать с Гришей в поместье. Там ему тоже быть хорошо.

– Может, передумаешь? Всё-таки на Буге у тестя Мишки Леонтьева мастерскую хорошую отстроили, железками там своими погремите всласть? – попробовал было соблазнить Курта Живан.

– Нет, – упрямо мотнул головой Шмидт. – Я уже всё решить. И у меня прямо тут есть неплохой походный мастерская, чтобы «всласть» железка греметь. После Измаильский штурм два десятка фузей и ещё три штуцер иметь очень сильный повреждений. У один фальконет совсем лафет развалиться, на другой ось треснуть, а на походный кухня у топка котла шов разойтись. Кто всё будет делать, если я уехать? Афанасьев Василий один на всё не разорваться, ему ещё с полковой мастеровой всякий прочий текущий мелкий работа нужно делать. А на наш Кудряш, то есть на капрал Ковалёв Иван, надежда совсем нет, ему лишь бы много есть и очень долго спать. Савва Ильин занят, старший пионер фугас и всякий подрывной присоб нужно делать. Зажигательный пуля тоже ещё немного доработать нужно, с ней у нас всё уже получаться, и нужный ингредиент, какой я заказать, только недавно сюда подвезти. Осталось последний раз её испытать и делать хороший боевой запас. Так что нет, гер полковник, я вынужден отклонить такой заманчивый ваш предложений. Пока оставаться в полк до наш полный победа в этой войне, и уже потом, после её окончаний, совсем увольняться со служба.

– Ну, коли ты так твёрдо решил, значит, так тому и быть, – кивнул, соглашаясь, Алексей. – Значит, Сергей, вы едете вдвоём с Радованом. С трудом, но всё же согласились наши врачи на его выписку. Под обязательное условие, что он не верхом, а на санях поедет и что продолжит все положенные лечебные процедуры уже на Буге. Так что вы уж не подведите меня, господин капитан-поручик. Я сам перед главным госпитальным врачом за вас вчера поручился.

– Слушаюсь, господин полковник! – шутливо притопнул ногами младший Милорадович. – Попробуй там у наших эти самые процедуры пропусти, точно ведь к кровати тогда привяжут. Небось, с Херсона сам дядюшка сразу в Николаев прикатит. Боюсь, получится, что я с одного лазарета да в другой, похлеще первого, попаду.

– А ты тут оставайся, – хмыкнул Живан. – И зачем тебе куда-то ехать да врачей менять?

– Не, не, не, – помотал головой Радован. – Как-нибудь уж там договоримся на послабления. Да и у меня всё уже зажило, сами же говорили, движение – это жизнь. Да и Сергея одного отпускать опасно, не дай бог проговорится там о командире, – кивнул он на Алексея, – а так я его хоть одёрнуть сумею.

– Ну ты! Одёргивальщик! – возмущённо воскликнул Гусев. – Ты за своим языком сам лучше следи!

– Так, а ну тихо! – нахмурившись, рявкнул Егоров. – Вы там оба в ответе – проболтается если кто, не удержите ведь Катарину. Она вас там сама в сани запряжёт и сюда прикатит! Вы уж ее, небось, хорошо знаете. Так что ужами крутитесь и рассказывайте, как всё тут на Дунае у всех наших со здоровьем прекрасно и какое в полку множество самых разных и срочных дел. Придумайте что-нибудь эдакое про то, что меня их светлость на побывку не отпускает, а сам он в столицу срочно укатил и повелел его на Дунае ждать. Что-нибудь про серьёзное задание можете даже намекнуть, не опасное, но, однако же, требующее моего обязательного личного присутствия. Главное, чтобы таинственности побольше в словах и важности, ребята. Катарина, она, конечно, тот ещё разведчик, её просто так тоже не обманешь, но постараться вам нужно. Сделайте всё, чтобы она там не изводила себя. А то ведь и правда сюда прикатит. А оно вот надо – ехать по опасным дорогам туда, где война гремит?! Вот вам письмо, – Алексей передал пакет Гусеву. – Я как только мог в нём всё прописал в самых мажорных, весёлых тонах. А уж остальное это от вас будет зависеть, братцы. Передавайте привет всем нашим, обнимите их за нас за всех, расцелуйте. Скажите, что войне скоро конец, ещё немного – и тогда мы все опять, вместе, как и прежде, за одним столом соберёмся. Раньше конца апреля, даже, пожа-

луй, середины мая, пока степные дороги совсем не просохнут, не спешите возвращаться на Дунай, отдыхайте спокойно. Всё равно и у нас тут серьёзных дел, похоже, пока что никаких не будет. По слухам, Потёмкин, уезжая в Санкт-Петербург, строгий наказ дал замещающему его Репнину, чтобы никаких грандиозных дел, пока он не вернется, тут не начинал. В прошлом году, вспомните, ведь так же вот было, оттого-то до холодов и дотянули со штурмом Килии и Измаила. Лошадку-качалку не забудьте ещё в сани положить, – сказал он со вздохом. – Карпыч Коленьке обещал её сладить. Перед самой смертью уже ведь закончил. Вы уж это, не рассказывайте там пока про него...

Глава 4. Второй батальон, первая рота поручика Бегова

– Объявляю вам нового полуротного, – поручик кивнул, и стоящий рядом с ним молодой офицер сделал шаг вперёд. – Прапорщик Шталь Фёдор Иосифович, – представил его Бегов. – Он встаёт на командование второй полуротой вместо погибшего за матушку нашу императрицу и Отечество прапорщика Дементьева Никиты Емельяновича. Прибыл Фёдор Иосифович к нам переводом из Бугского егерского корпуса. Отличился при штурме Измаильской крепости, где одним из первых поднялся на её восточную стену. Так что не смотрите, что он молодой, сами уж, небось, давно знаете – молодость, она на войне очень быстро проходит. Так, далее, – и открыв толстый журнал, ротный командир пролистнул несколько его страниц. – В полковой караул на грядущие сутки от нас отряжается четвёртый плутонг Рогачёва, – прочитал он повестку на завтра. – Нестор, возьми с собой ещё и тех пятерых бездельников, кто свои штрафные ещё полностью на внеочередных дежурствах не успел отбыть. И за Горшковым с Дорофеевым приглядишь. У них после отбоя последние полночи ещё для грязных работ остаются. Пусть только хорошо вымыться потом не забудут, не хватало ещё грязь в палатку тащить. Небось, уж ума хватит заранее себе воду нагреть?

– Слушаюсь, ваше благородие! – откликнулся унтер-офицер. – Есть заступить завтра в караул и за отбывающими наказание приглядеть.

– До отбоя всем артелям поужинать, личному составу проверить всё своё личное оружие и амуницию, – распорядился далее поручик. – Потом, в свободное время, никому по лагерю не шастать, чтобы как вон с этими оболтусами не получилось, – кивнул он на стоявших в конце строя двух одетых в грязную подменную одежду егерей. – Вопросы у кого есть?

Строй молчал.

– Ну, если вопросов нет... Рота, смирно! – Бегов вскинул ладонь к опущённой мехом каске. – Вольно! Господ офицеров попрошу пройти в мой шатёр. Сержант, разводите плутонги.

Милушкин подержал ещё немного людей, почитал нотации, «пропесочил» пару человек за их нерадивость, похвалил отделение отборных ротных стрелков капрала Мухина за их беспорочную службу.

– Разойдись! – разнёсся его зычный голос, и егеря потопали к местам своего расположения.

– Конечно, чего бы это Никитичу да Мухинских не нахваливать, – ворчал Южаков Иван. – В караулы и на хозяйственные работы их меньше, чем строевые отделения, гоняют. На полигонах штыками чучела они не рвут и совнями не машут, как вот мы. Знай себе только постреливай вдаль и дырки на мишенях ищи.

– Вот, вот, а ещё и мясной дух у них в артели гораздо сильнее стоит на ужин, чем у нас, – заметил шагающий рядом Лыков. – Не то что от наших котлов со старой мороженой кониной. Небось, бараний жир, тот, что им для смазки штуцеров дают, потихоньку к себе в котёл кидают.

– Да ну, ты брось, Рябой, такое наговаривать, – нахмурился капрал. – Чтобы отборные стрелки – и оружейную смазку да на своё брюхо переводили? Ни в жизнь я в такое не поверю! Его, этот самый бараний жир, перед тем как для чистки в отделения передать, знаешь, Тишка, сколько в котлах оружейники вываривают? Сам видел, когда мы в прошлом году у Серета квартировались. По малой толике потом его на каждый винтовальный ствол выдают. Вот смотри, – и вынул из кармана небольшую деревянную коробочку. – Вона, глянь, какой внутри шарик махонький, и мне его на неделю как-то растянуть надо. А чистить эти самые винтовальные нарезные стволы знаешь, сколько надобно? Это ведь тебе не свой, не гладкий, фузейный, грязной паклей шоркать. Ты вон, два раза в неделю с него бахнул и всё, потом знай себе, до блеска начищай, порядок в нём поддерживай. А они-то, отборные стрелки, припомни, по сколько раз каждый день из своих штуцеров стреляют? Бывает даже, и целую дюжину ведь дальних

выстрелов за один полигон делают! Попробуй потом тот стреляный штуцер до уставного вида обиходить!

– Ну не знаю, – пожал плечами Лыков. – Однако же позавчера, Лука Назарович, я опосля вечерней караульной смены возвращался, а это ведь как раз перед отбоем было, и уж таким запахом от их палатки на меня повеяло, что, честное слово, еле я удержался, чтобы к ним в гости не заскочить.

Плутонг дошёл до рядов палаток, расположенных в низинке. Все они имели двойное покрытие из пропитанной воском плотной парусины. На многих были накинута к тому же ещё и большие широкие полосы трофейного войлока и тряпья, а боковины обложены и усилены жердинами или щитами из плетня.

– Зиновий, чего тут у тебя, долго ли ждать? – полюбопытствовал Филимон, подходя к стоящему у очага артельному.

– Рано пока, обождать ещё маненько надо, – важно изрёк дежурный готовщик, дуя на ложку. – Крупа чутко твердовата, да и мясо сильно жёсткое. Хотя так-то ведь давно уж я его вывариваться поставил.

– Конечно, с передней ноги достался кус, с самого худого места, где одни жилы, – проворчал откидывающий полог палатки Лыков. – Ладно бы если с ляжки, так нет ведь, с самого неудобья. Ещё бы голое копыто глотать дали!

– Иди уже, бубнишь тут! – подтолкнул его в спину Лошкарёв. – Скажи спасибо, Тишка, что не тухлой солониной, как бывало, нас покамест тут кормят. И не на одних сухарях плесневелых, как под Очаковым, пока здесь сидим.

– Кому спасибо-то говорить, Нестор? Туркам и татарам, что ли? – огрызнулся тот. – Подожди, вот скоро оттепели придут, и этого даже в порции не будет.

Внутри большой, на всё отделение, солдатской палатки зажгли масляный светильник, и в неровном его свете метались по стенам чёрные тени. Внутри было холодно, и на каждого заходящего покрикивали, чтобы он скорее задёргивал входной полог.

Точно такая же, как и у строевых отделений, стояла в ряду с самого края, ближе к реке, и палатка ротных отборных стрелков. У походного, сложенного из крупных камней очага суетился артельный готовщик, которым по очереди в этот день был Баклушин Иван.

– Скоро, совсем скоро, робята, – опережая вопрос, крикнул он подходящим стрелкам. – Уже снял с костра я кашицу, в палатку занёс котёл. Сейчас, вот чутко пропарится он под шинелкой, и тогда уж вкушать варево можно будет. Руки ополосните и внутрь заходите, а я сейчас и второй котёл для кипятка на огонь поставлю. Как раз опосля жирной каши степным отваром будет хорошо сухари запивать.

На самодельной столешнице посредине палатки ждал егерей традиционный ужин – разваренная крупа с мясом. Лежало тут же с десяток луковиц, два ржаных каравай и горка сухарей.

– Интендантские сегодня расстарались, – довольно протянул самый старший по возрасту в отделении Пахом. – На ужин всех вторым караваем нонче наделили. Видать, с тем обозом, что вчера в лагерь пришел, и мука тоже на санях подъехала. Вот побольше и напекли хлеба.

В палатку зашёл Баклушин и подсел в тесный кружок егерей. С котла сняли «шубу», а потом и саму крышку. Пахнуло так, что у всех побежали слюнки.

– С полкулака топлёного свиного сала осталось, – доложил кашевар. – Если только на один ужин его заложить. Ой, а соли-то я не достал! – и он выложил на стол небольшой матерчатый узелок.

– Давай, командир – режь хлебushко, – кивнул Пахом, и Мухин, прижав к груди каравай, начал его нарезать на ровные ломти. Все сидели и молча наблюдали, как он это делает. Наточенное до бритвенной остроты лезвие ножа почти что не делало крошек. Вот уже и нарезанный хлеб оказался на столе.

– Помолитесь перед трапезой, братцы, – кивнул Тихон и зашептал слова молитвы.

Ели не спеша, вдумчиво и с достоинством, зачерпывая из общего котла по очереди. Подносили ложку ко рту, держа под ней кус хлеба. В самом конце развернули узелок, и каждый взял себе по три щепотки крупной серого цвета соли. Кто-то посолил себе краюху, кто-то макнул в высыпанную на ладонь соль луковицу и потом ей смачно захрустел. Самый молодой из стрелков Кирюха и вовсе слизывал её языком как лакомство, стараясь подольше удержать вкус.

– Хорошо! – проговорил довольно дядька Пахом. – Сытная еда – первое дело для солдата. Заваривай кипяток, Ванюша, – кивнул он Баклушину. – Теперяча можно посидеть тихонько, чаёк попить да сухарики погрызть, ну и, конечно, по душам поговорить перед сном. Надо бы ещё к флотским сходить. Сам как считаешь, Тихон Иванович? – подчёркнуто уважительно поинтересовался он у молодого капрала.

– Можно бы, – согласился тот. – Так-то для меня вроде ещё немного осталось у нас общинного добра. Ильюш, ты говоришь, что приплыл твой знакомец? – спросил он у сидящего напротив егеря.

– Вчерась его только видел, – подтвердил тот. – Дозорных забирали они с того берега. Вот недавно и возвратились с ними. Не знаю, будет ли чего у них теперяча для меня? В прошлый раз то вона как хорошо получилось. А как вот оно теперь?

– И в этот должно получиться, – уверенно проговорил Пахом. – Флотские они завсегда в прибытке. Им из казны много всякого, супротив нашего, положено. Да и корабельные трюмы, это ведь не ранец или вещевой мешок, в которых много не унесёшь. Там много чего держать можно. Ты, Ильюша, на причал бы сходил завтра, после обеда, да поговорил бы со своим знакомцем, авось чего и сладится. Для общества, братец, ты всё же стараешься, а ведь не токмо для себя, так что не журишь. Главное эдак аккуратнo, чтобы на глаза господам офицерам не показываться. Так ведь, командир? – посмотрел он на Мухина.

– Именно так, с осторожностью, – кивнул тот. – А с собой ещё и Кирюху с Кузей возьми. Пускай они покараулят и помогут, если что. Чего у нас ещё там для меня осталось?

– Пара сабель добрых, османских есть, пистоль, пара сапог из крашеной юфти и ткани шелковой отрез, – доложил артельный казначей Макар. – Ну и серебра пять рублей, и два гривенных.

– Мыслю я, что деньги трогать не нужно, пускай они пока лежат, – проговорил задумчиво Мухин. – Незнамо, как там и чего дальше ещё будет.

– Это верно, трофейное на мену предлагай, – согласился с капралом Пахом. – Выплат раньше лета точно не предвидится, а без серебра, совсем пустыми, никак нам нельзя быть.

Полог откинулся, и Балакин Иван занёс покрытый сажей большой медный котёл.

– Место дайте! – крикнул он натужно, ставя его на столешницу. – Ну всё, черпак вона берите, и дальше сами уже по кружкам разливайте. Ох, как сыростью с реки тянет, – передёрнул он плечами. – А у вас-то тут внутри тепло уже, вона ведь как надышали, – и налил в свою глиняную кружку травяного чая.

– Так само собой, конечно же тепло будет, как-никак, а ведь целый десяток здесь сидит, – проговорил Илья, перехватывая у него черпак. – А вот как перед самым сном ты сюда ещё и гретье камни занесёшь, вот тогда и совсем можно будет рассупониться.

– Я ещё пару старых ядер в очаг греться подложил, – похвалился Балакин, – накалю их там докрасна, занесу, и у вас тут как в парилке потом горячо будет.

– Пустое, – покачал головой многоопытный Пахом. – Жар они, конечно, дают сильный, это верно, да ведь и остывают потом быстро. Лучше уж крупный камень на костре греть. Есть, знаете, такой горный, с блёстками, его иной раз река на берег ещё выбрасывает. Ох и хорош он для такого обогрева! Да так-то ладно, тут и самый обычный булыжник, он тоже подойдёт. Всё одно, Ванюшка, тебе за ночь пару раз точно придётся гретье заносить, чтобы отделение не застудить.

– Это да, это само собой, – согласился Балакин, откусывая сухарь. – Скорее бы уже весна, что ли, пришла. Теплее хоть тут станет.

– Ага, по грязи, небось, соскучился? – хмыкнул Макар. – Вот уж где мы тогда все намаемся. Такая тьма народа вокруг толчется, вмиг всё вокруг сапогами перемесят. А ещё и оттаёт всякое из нечистот, дышать нечем будет. Сами ведь знаете, как оно в больших лагерях. А тут ещё и крепостные развалины совсем рядом.

– Да уж, сколько там ещё мертвяков после штурма засыпано. Бр-р! – передёрнул плечами Кирюха. – До сих пор их подводами к реке свозят. Может, всё-таки войско на тот берег переправят. Чего же тут дальше-то нам сидеть?

– Начальству, ему виднее, где солдату сидеть, – хмыкнул Балакин. – Оно у нас сейчас особо-то не разворотливое. А чего я не так сказал? – посмотрел он на нахмурившегося Мухина. – Ляксандр Васильевич уехал, а за ним следом и князь. Кто без них на турку идти команду даст? Был бы тут Суворов, другое дело, а так, – и он махнул в сердцах рукой.

– Ну ладно, хватит уже о начальстве болтать, – проговорил капрал. – Не нашего ума дело, какие у него там задумки. Каков для нас приказ будет, такой мы и исполним.

– Вот и повечеряли, – сказал умиротворённо Пахом. – Сдалось оно вам спорить опосля такого ужина? Так, штуцер я перед самым сном смажу и, пожалуй, потом сразу же укладываться буду. Слышите, у драгун «вечернюю зарю» эскадронные трубы играют, значит, скоро и наши барабаны её пробьют.

Действительно с той стороны лагеря, где стояла русская кавалерия, донёлся знакомый всем сигнал. Егеря зашевелились, прибрали с импровизированного стола свои немудрёные трапезные приборы и потянулись за ружьями. Уход за оружием – дело святое!

Глава 5. Отпустили бы вы меня в полк...

В середине февраля морозы спали, ветер с недалёкого моря пригнал волну сырого и тёплого воздуха, растопившего за два дня все сугробы. О парусину лазаретного шатра били тугие струи дождя. Как ни прикрывали её, а нет-нет но влага просачивалась вовнутрь, капала с потолка или стекала по серым стенкам.

– Что-то уж больно рано в этом году весна подходит, – ворчал, меняя повязку Толстому, Акакий Спиридонович. – В прошлом-то году, вона, ажно до первых чисел марта на санях можно было по снежной каше ехать. А сейчас чего? Ни полозьями, ни колесом у Дуная по грязи не пролезть.

– Да, не вовремя как-то задождило, – с досадой проговорил Егоров. – Только-только прогуливаться у шатра позволили, а тут вон чего. В прошлый раз кое-как с комьями грязи на сапогах дошёл.

– Так вам бы, вашвысокблагородие, у шатра бы гулять, а вы-то вон чего, за лазарет, ажно к самому лагерю изволили идти, – ворчал подлекарь. – Ох, Ляксей Петрович, это вас ещё Дементий Фомич с нашим Ильёй Павловичем не видали. Попало бы мне, дураку, коль прознали бы они. Да и вы бы от них тоже сурьёзный выговор получили.

– Но ты же ведь не ябедник, а, Спиридонович? Ну ладно, ну чего ты, старый, бурчишь? – подначил Мазурина Алексей. – Ну что уж мне, по-твоему, и прогуляться даже немного теперь нельзя? Я вон вокруг нашего шатра уже хорошую тропку набил.

– Не сильно тянет, а, Митрий Александрович? Нигде не болит? – допытывался у Толстого дядька. – Вы, ежели чего, сразу лучше скажите. Я, коли что вдруг не так, всё заново вам перевяжу.

– Хорошо всё, Акакий Спиридонович, – успокоил его Митя. – Всё как надо сделал. Не беспокойся.

– Ага, ну тогда сделайте милость, полежите маненько, – попросил его подлекарь, – отдохните. Вона ведь сколько терпели. За Лексеем Петровичем всё одно вам не угнаться, уж я-то его больше двух десятков годков, ещё с самих прапорщиков знаю. Не усидит он долго на одном месте, коли уже вставать начал.

– Сми-ирна-а! – донеслось с улицы.

– Вольно, вольно! Ну чего же ты, братец, в лазарете да команды подаёшь? – послышался такой знакомый Алексею голос. – На караул фузею взял, вот и довольно. Не на плацу ведь или у шлагбаума стоишь. Иди под навес, не мокни.

Входной полог распахнулся, и вовнутрь шатра, сбивая влагу со шляпы, шагнул главный квартирмейстер Дунайской армии, барон фон Оффенберг. Вслед за ним нырнули и ещё два штабных офицера.

– Ваше превосходительство! – вскочили с топчанов Алексей с Митей.

– Здравия желаем, господин генерал! – поприветствовал высокое начальство Лёшка. – Разрешите доложиться?! Полковник Егоров и секунд-майор Толстой находятся в шатре для выздоравливающих!

– Ой ли, точно «для выздоравливающих»? Не рано ли? – усмехнулся Генрих Фридрихович. – А мне вот главный армейский врач только недавно сказал, что вам ещё пару месяцев тут на излечении быть, и что даже вставать бы ещё не стоило. Но кое-кто, как я знаю, даже уже в свой полк пытался сбегать?

– Обман это, ваше превосходительство, поклёп и гнусная клевета! – возмущённо воскликнул Лёшка. – Я ведь только ради прогулки! Даже до первых палаток лагеря не дошёл!

– Так, тихо, тихо! – остановил объяснения Алексея фон Оффенберг. – Вы чего это тут из постели повыскакивали? А ну-ка быстро на топчаны оба легли! В постель, я сказал! Не

хватало мне ещё из-за вас от врачей выговор получать. Знаете же прекрасно Дементия Фомича, он ведь всю плешь выест. И ответить-то ему не могли, прав он со всех сторон. Вот спасибо, братец, – поблагодарил он метнувшегося со стулом Мазурина. – А этим не надо, – кивнул он за спину. – Пусть постоят немного, они и так в штабе засиделись.

Барон расстегнул подбитый мехом плащ и, оглядев его заляпанные грязью полы, сокрушённо покачал головой.

– Безобразие! И вот такое ещё пару месяцев нам тут терпеть! Какая уж может быть война?!

– А потом, ваше превосходительство? – осторожно спросил его Алексей.

– Потом? – Фон Оффенберг достал из внутреннего кармана белоснежный батистовый платок и, оглядев ладони, с брезгливым выражением тщательно их протёр. – Ужасно! Какая грязь! – покачал он головой и спрятал платок обратно. – Братец, ты бы сходил к конвою, – кивнул он застывшему по стойке смирно Мазурину. – Скажи хорунжему, что от меня. Пусть он те выюки, что мы с собой захватили, в госпитальное хозяйство передаст. Там небольшой гостинец для всех раненых.

– Слушаюсь, ваше превосходительство! – гаркнул дядька и вынесся за пределы шатра.

– Шустрый, – усмехнулся барон. – Годами-то, небось, мне сверстник, а ведь не угнаться уже за ним. Так что ты про «потом» спрашивал, Алексей? – перевёл он насмешливый взгляд на Егорова.

– Да я про пару месяцев без войны, ваше превосходительство, – напомнил ему Егоров. – Потом-то всё у Дуная просохнет.

– Ну да, к маю месяцу распутице непременно конец придёт, – согласился с ним Генрих Фридрихович. – А вот что потом будет, как сам-то думаешь? – и он посмотрел пристально на Алексея.

– А вот потом должно быть как раз самое интересное, я так полагаю, – пожал плечами Алексей. – Кто первый сумеет собрать свои войска для удара и кто для этого выберет наиболее удобное место, тот и овладеет инициативой для начала летней кампании этого года. Так ведь, ваше превосходительство?

– Удобное место для удара, – задумчиво проговорил барон. – Вот и я так же думаю. Тот, кто владеет инициативой в выборе его места и во времени нанесения, тот и сможет навязать противнику тактику и само течение этой войны. И будет её строить так, как ему удобно и выгодно. Твои егеря, Алексей, хорошо поработали на турецком берегу, немало интересных сведений они нам о противнике донесли. Но для того чтобы обладать полной картиной, что там планирует неприятель, мне нужно их постоянно дополнять. Пока что турки скапливают свои войска в прибрежных крепостях и подготовку к переправе на наш берег они якобы не ведут. Но ведь всё может очень быстро измениться. И вот к этим самым изменениям мы и должны быть готовы. Турки потерпели ряд поражений в предыдущие годы, они потеряли важные крепости и уже вроде как утратили всякую инициативу. Но самое главное это то, что они понесли громадные расходы и людские потери, их казна совершенно пуста и не может платить своим солдатам за их службу. Ещё один полный год большой войны Османская империя просто не вынесет. В её провинциях бунты и настоящий голод. Всё сложнее становится загонять людей на службу и потом вести их в бой. Султан и его ближайшие сановники это прекрасно понимают, поэтому у них есть лишь один выход – это мощный удар по нашей армии всеми своими силами, чтобы разгромить её и потом навязать мир на своих условиях. По своей сути это есть реванш, то есть расплата с противником за уже понесённое от него общее поражение. Ну а наша задача остаётся прежней – разгромить неприятеля, добить его и уже потом заключать выгодный для нас мир, и на наших условиях. И тут твои егеря, Алексей, могут быть нам весьма полезными, как на этапе разведки и планирования боевых действий, так и во время их и даже после. Но сейчас меня больше всего интересует первое, то есть разведка. У тебя ведь

постоянно тут в шатре полковые советы проводятся? Не зря же мне госпитальное начальство жалуется. Ну вот и нацеливай своих людей на поиски на той стороне Дуная. И всё, что там твои люди увидят, немедленно и безо всяких задержек мне докладывай. Твой полк, Алексей, снова переходит в прямое и полное распоряжение главного квартирмейстерства армии. Так-то в своё время вы для него и создавались, ещё даже будучи ротой и батальоном. Что-то сказать хочешь? – спросил он, заметив вопросительный взгляд Егорова.

– Ваше превосходительство, по своей сути для нас это ведь начало боевой работы, так ведь? – уточнил тот. – Пока другие полки и батальоны в распутицу в лагере сидеть будут.

– Ну-у, в какой-то мере, – осторожно ответил барон. – Чего ты хочешь, лис? Вижу ведь, что не просто так ты такие вопросы сейчас задаёшь? Люди для укомплектования ещё нужны? Штуцера, амуницию с одеждой новой хочешь просить? Это я и так всё знаю, можешь даже не начинать. Всем, чем сможем, обязательно поможем. Мы ведь вас никогда не обделяли. Ну?

– Генрих Фридрихович, отпустили бы вы меня в полк, – попросил Лёшка. – Ну какое может быть командование из лазаретной палатки? Задание ваше серьёзное и требует моего постоянного присутствия в нём.

– Ага, а если у тебя раны откроются?! – воскликнул фон Оффенберг. – Только ведь всё зарастать начало! Не хватало ещё с горячкой, с антоновым огнём совсем слечь.

– Не слягу, ваше превосходительство, – помотал головой Егоров. – Да мне уж лучше ходить, чем так вот лежа лежать, – и попытался было порывисто вскочить с постели.

– Лежать! – скомандовал барон. – Ты мне тут свою прыть и удаль не показывай! Мне она от тебя ближе к лету понадобится, а не сейчас во время затишья. Гляди, Алексей, разбредишь раны, сляжешь, и не сможешь тогда своему кровнику отомстить. А-а?! Что?! Глазато как загорелись! Вот то-то же и оно! Небось, понимаешь, о чём я сейчас говорю? Сделаем всё правильно, так и не уйдёт твой Фарханг с остатками алая в Стамбул. Все его «волки» тут, прямо у Дуная вместе с ним и лягут. И в этом я тебе помогу, полковник Егоров, обещаю.

– Что я должен для этого сделать, ваше превосходительство? – хрипло спросил главного квартирмейстера армии Лёшка. «Беслы, беслы, они рядом», – тукала в его мозгу мысль.

– Пока тебе нужно лечиться, Алексей, – сказал задумчиво генерал. – Тебе нужно сделать всё, чтобы раны зажили за пару месяцев этой весенней распутицы. Собирай сведенья через своих людей и думай, полковник, наперёд, причём за себя и за своего противника. С Дементием Фомичом я, так и быть, переговорю и попрошу его отпускать тебя в полк, ну-у, скажем, после утреннего обхода и до самого вечера. Пускай вон этого шустрого дядьку, который только что к казакам убежал, к тебе приставит, а тот приглядит за тобой, да и побережёт. Через неделю подашь мне списки из всего необходимого, для того чтобы привести свой полк в полную боевую готовность. По людям тебе и так, я знаю, хорошо помогают. За полтора месяца около двух сотен нижних чинов переводом с других полков уже пришли. Трём рапортам на перевод от офицеров сегодня же ход дам, поставишь их себе на полуротные должности. Гусев твой намерен докладывать, что около десятка усердных своих унтеров вы готовите на испытание к первому офицерскому чину? Здесь тоже похватай, чтобы не затягивали с экзаменами. Ну а дальше уже от них самих будет зависеть, как там получится. Дуракам, сам понимаешь, хода в офицеры из подлого сословия не будет. Комиссия просто так их точно не пропустит. Пусть сейчас стараются и лучше к предстоящим испытаниям готовятся. Месяца полтора, до середины апреля, а может, и немного побольше у них время ещё есть. Так, что ещё я хотел сказать?

Стоящий позади барона штабной офицер подшагнул и прошептал ему что-то на ухо.

– Вот как? Отлично! – кивнул фон Оффенберг. – Тут мне подсказывают, что от генерала де Рибаса пакет утром пришёл, и в нём согласие на временную передачу отряда речных судов. Очень хорошо! Горяч наш испанец, – хмыкнул он. – Думаешь, просто у него их было выпросить? Очень ревностный и рачительный сей хозяин. Сколько копий было сломано, чтобы у него

галиоты для заброса и забора твоих дозорных выпросить! Теперь-то уже получше с ними вам будет. Шесть парусных судов и три гребные галеры – это уже сила! Условие у Осипа Михайловича только одно – славой поделиться. Что ж, выполнимо, – хмыкнул барон. – Одно дело ведь делаем и славой никого не обделим, лишь бы её добыть. Старшим флотского отряда, приданного нам, назначен капитан второго ранга Кунгурцев. Знаешь такого? Ну вот и хорошо, проще будет вместе дела планировать. Так, ну и последнее, Алексей, все ваши ходатайства о награждении отличившихся георгиевскими крестами при штурме Измаила я передал светлейшему. Скажу честно, далеко не все они были им удовлетворены, тут уж ты на меня обиды не держи. В любом случае никто без награды не останется. Зная Григория Александровича, верю, что ему удастся убедить матушку императрицу Екатерину Алексеевну в необходимости учреждения золотого офицерского креста за храбрость при штурме крепости и серебряной солдатской медали. Будут армии и премиальные наградные деньги. Нужно только дождаться возвращения к армии самого генерала-фельдмаршала. По производству в следующие чины – гораздо проще, соответствующие бумаги ушли в военную коллегия фельдъегерской почтой заблаговременно. Думаю, уже с окончанием распутицы патенты из столицы придут в войска. Ну а по производству отличившихся унтер-офицеров в следующий чин, это уж вы сами в полку решайте. Я одним общим приказом ваш список у генерал-аншефа Репнина утвержу. Ну, теперь-то вроде бы всё, – и Генрих Фридрихович, крикнув, поднялся со стула.

– Ваше превосходительство, – несмело пролепетал со своей постели Митенька, – дозвоьте вопрос вам задать?

– Чего тебе, перебежчик?! – нахмурил брови барон.

– Мне бы тоже к делам приступить, ваше превосходительство, – вымолвил Толстой. – У меня вообще рана подживает. Разрешите к исполнению своих обязанностей вернуться?

– Не разрешаю! – буркнул Генрих Фридрихович. – Геройство хотел проявить? К Егорову сбежал из квартирмейстерства, перепрыгнув с прошением через мою голову? Вот и будешь покамест при нём в полку околачиваться. На твоём месте всё равно уже новый человек, и меня он вполне устраивает. Во всяком случае за крестами и чинами, как вон некоторые, на крепостные штурмы не бегают, а больше головой думает, и аккуратист к тому же изрядный. Докладывай, секунд-майор, подробно обо всем том, о чём станет известно егерям в их задуманных поисках. И далее, пока компания идёт, тоже при егерях, в их полку останешься. Тут у тебя, я полагаю, больше возможности будет проявить себя, чем из секретарского кресла. Хотя, конечно, всякое может быть, проявишь тут себя, покажешь, что головой можешь думать, и опять в штабные офицеры перейдёшь. Ладно, пора мне, засиделся я у вас уже тут, а дела-то они ждут, сами никак не хотят делаться, – генерал-поручик махнул рукой, останавливая попытавшихся было подняться раненых. – Отставить расшаркивания! Лежите, и даже не думайте вставать! – и, кивнув, прошёл к выходу из палатки. – Выздоровливайте, господа!

Откинув полог, он нырнул наружу.

– Опала. Вот и всё! Вот и конец всей моей карьере, – пробормотал побледневший Толстой.

Один из офицеров свиты барона обернулся и покачал головой:

– Дурак ты, Толстой! Генерал-поручик на тебя представление к следующему чину в Санкт-Петербург отправил, и в списки к награждению золотым крестом включил. Вот где твоя карьера сейчас, – кивнул он на Егорова и выскочил вслед за остальными.

Глава 6. Бой у реки

– Вашвысокоблагородие, Ляксей Петрович, в лазарет нам пора, – бубнил семенящий за полковником Мазурин. – Ну вот ведь, уже и барабаны «повестку» пробили, а мы с вами ещё в шатёр не вернулись. Опять же Илья Павлович будет браниться. Ну, Ляксей Петрович!

– Обожди немного, Спиридонович, – отмахнулся от докучливого лекаря Егоров. – На бережку, что ли, пока тут посиди! А лучше вон там, под навесом постой, чтобы не мокнуть под дождём.

От стоявших у грубо сколоченной бревенчатой пристани шеренг выскочил навстречу полковнику командир дозорной роты и, протопав по мокрому песку, отдал рапорт.

– Вольно, господин поручик, – козырнул Алексей. – Все в отрядах готовы к выходу? Никого в строю хворых нет? А то вон какая дурная погода стоит.

– Все егеря в полном порядке, господин полковник, – заверил командира Осокин. – А погода, напротив, очень хорошая, как раз для такого дела, как у нас, она подходит.

– Ну, ну, – кивнул Алексей, подходя к разбитому на три части строю. – И правда ведь хорошая, дождь все звуки перебивает, да и видимости в нём большой нет. Здравствуйте, волкодавы-разведчики! – поприветствовал он егерей.

– Здравжелаем, вашблагородие! – рывкнули в ответ шесть десятков глоток.

– О важности порученного вам задания вы, братцы, и так всё прекрасно знаете, – глухо проговорил Егоров. – Подробно мы об этом в нашем расположении уже переговаривали. Сейчас же хочу я вам сказать только одно. Будьте предельно внимательны и осторожны на том берегу. Турки далеко уже не те, какими они были ещё пару, тройку месяцев назад, после их сокрушительного поражения у Измаила. Оправился от разгрома неприятель, дозорную службу свою как надо поставил, цепочку фортов вдоль берега выставил и большие силы в прибрежные крепости подогнал. Поэтому проявите всю свою хитрость и всё умение, чтобы не попасться ему на глаза. Сами понимаете, в случае чего, вытащить вас до срока с того берега будет очень и очень непросто. Но я уверен, что через пару недель вот так же вот на этой пристани буду встречать вас всех живыми и невредимыми. С Богом, братцы! – и перекрестил замерших в шеренгах егерей.

– Первый отряд, на посадку, марш! – скомандовал Осокин.

Два десятка егерей с ружьями в руках и закинутыми за спиной вещевыми мешками цепочкой побежали к пристани. Вот глухо застучали их ноги по мокрым брёвнам.

– Вперёд, вперёд! – поторапливал своих разведчиков стоящий у сходней подпоручик Воронцов. Прошло пару минут, и весь его отряд разместился на палубе галиота.

– Второй отряд, на посадку, марш!

И теперь уже перепрыгивали на палубу соседнего судна люди прапорщика Травкина.

– Волнуешься? – К Алексею подошёл Кунгурцев. – Не переживай, всё ладно будет. У вас только с моим отрядом это уже второй поиск, а так-то вообще даже четвёртый. С казаками ведь ходили на кончбасах. Опытные твои ребята, должны будут все вернуться.

– Дай бог, – кивнул Егоров. – Миш, пусть только твои сразу от берега не уходят. Хотя бы немного неподалёку от высадки пождут. Вдруг чего не так, чтобы забрать их смогли.

– Не переживай, всё сделаем, как и обговаривали, – кивнул Кунгурцев. – Две обманные пары, из галиота и галеры, ещё засветло, на виду вдоль турецкого берега прошли. Должны они на себя всё внимание турок оттянуть. А вот теперь и основным судам с твоим десантом можно выходить. Не волнуйся, Алексей, прикроем твоих егерей у того берега.

На посадку в это время забежали егеря из третьего отряда прапорщика Луковкина. Вот он сам помахал рукой с пристани и, перебежав по судовым сходням, перескочил на палубу.

– Ну всё, господа, пора! Скоро увидимся!

Кунгурцев, кивнув Алексею и стоящему рядом командиру дозорной роты, поспешил к командирскому судну.

Галиоты один за другим отходили от причала и пропадали в дождливом сумраке.

– Лучше бы всё-таки я сам с ними, господин полковник, в поиск пошёл, – всматриваясь в темень, глухо проговорил Осокин. – Хуже нет, вот так вот, провожать и ждать.

– Ты думаешь, мне, Тимофей, легко? – хмыкнул Егоров. – Так бы и побегал на дозорном выходе сам, со своим отцовским штуцером, как когда-то. Небось, не забыл наш давний Забалканский рейд?

– Как же, забудешь такое, – улыбнулся Осокин. – А вот бегать вам сейчас в дозоре никак уже нельзя, Алексей Петрович, у вас целый полк теперь за спиной. Я вон на роте со своей сотней душ иной раз от забот с ума схожу, а тут аж полторы тысячи! Страшно подумать!

– Вашвысокоблагородие, уже скоро отбой пробьют, – напомнил о себе Мазурин. – В гошпиталь вам срочно надо, и так ведь вечерний обход пропустили. Сейчас в темноте пойдём, не дай бог опять спотыкнётесь, и снова рану потревожите. Давайте я вас хоть придержу маненько.

– Спиридонович, ну ты меня ещё как маленького на руки возьми! – отмахнулся Алексей. – Сам я! Да и дорогу пока немного видно.

– Сам, сам, – ворчал подлекарь. – Цельные полковники уже, столько людей в подчинении, а себя так и не научились беречь. Никита, Федот, чего застыли?! Факелами подсвечивайте, тут вона на берегу какой подъём крутой!

Послышался стук огнива, мелькнул огонёк, и подступы к пристани осветились пламенем двух факелов.

– Ну ты и жук, Акакий Спиридонович! – покачал головой Алексей. – Сколько у тебя ещё там человек в прислуге?

– Да окромя вестовых, только лишь пятеро из охраны, – пожал тот плечами. – А чего, их превосходительство сами сказали, чтобы за вами постоянно приглядывать и шибко оберегать. Ну вот я, значит, и того, исполняю их генеральскую волю.

Бам, бам! – донеслись глухие пушечные выстрелы у правого берега Дуная. Прошло немного времени и послышалось ещё несколько бахов. Егеря встрепнулись и сжали в руках ружья.

– Не бойсь, зелёные! – ухмыльнулся сидящий у единорога пожилой канонир. – Это с наших, с «обманных» судов ребятки турка пугают. Чтобы, если что, на себя их внимание от наших, которые с десантом, отвлечь.

– Да мы и не боимся, дядька, – тряхнул волчьим хвостом на каске Евсей. – Думали, может, вашим огоньком помочь.

– Да куда уж там с этими пукалками, – пренебрежительно хмыкнул тот, кивнув на фузею. – Тут вот, на реке, как и на море, только лишь большие калибры свой бой ведут. Восьмифунтовый, – постукал он с гордостью по массивному стволу. – Ядро с десяти кабельтов любой турецкой лоханки борт пробьёт, а с пяти может и вообще насквозь!

Прошло около часа, и послышалась команда капитана. Матросы пробежали по палубе, сняли часть парусов с мачт, и два судна отделилось от общего отряда.

– К берегу, с главного русла мы пошли, – проговорил негромко канонир, провожая взглядом уходящие силуэты кораблей. – Ну вот теперь уже ухо остро нужно держать.

Он скинул защищающий затравочное отверстие кожаный кожух и раздул пальник.

– Готовьтесь, братцы, – кивнул он сидящим рядом егерям. – Сейчас вот нашим правым бортом развернёмся к берегу, по течению немного пройдем, а там и приставать будем.

Прикрывающий галиот чуть отстал, а тот, что был с десантом, спустив все паруса и дрейфуя, тихонько подкрался к самому берегу. Вот и он, темнеет сплошной стеной деревьев

и кустарника. Впереди показался большой прогал, и рулевой направил судно прямо к нему. Швартовая команда шестью и баграми подтянула его ближе, и галиот благодаря своей малой осадке встал в нескольких саженях от песчаной косы. Раздался плеск, с борта спустили длинные сходни, и первыми по ним пробежали два моряка с зажатыми в руках концами канатов.

– Ну, прапорщик, давайте, с Богом! – проговорил глухо капитан. – Минут десять вас велено после высадки ждать, а уже потом отходить.

Луковкин стукнул по плечу стоявшего рядом капрала:

– Вперёд, Семён! Забегай с десятком на берег и дозоры выставляй. Пусть ребята осмотрятся и хорошо послушают. Если что вдруг не так, пусть твои люди сигнал сразу же дают. Мы, все остальные, за тобой тоже без промедления высаживаемся и ждём доклада.

Капрал кивнул и первым перелез через борт на сходни. Вот он перебежал по ним вниз, спрыгнул с досок в воду и, идя в ней по пояс, выскочил на берег. Вслед за командиром высадился и весь его десяток.

– Данила, Митрофан, подальше, прямо забегите! – приказал двоим капрал. – Ваня, твоя тройка слева на сто шагов по берегу отбегает. Илья, твоя справа. Вперёд, братцы!

А сзади уже стучали сапоги высаживающегося десятка Смакова.

Данила с Митрофаном пробежали прибрежный кустарник, нырнули под деревья узкой вытянутой рощи и, с ходу миновав ее, выскочили на большую поляну.

– Здесь будем стоять! – решил старший в паре Данила. – Тут и видать, и слышать гораздо лучше.

Выметнувшиеся с левой стороны чёрные фигуры, размытые в ночном сумраке, увидели одновременно. Всадники скакали быстро и совершенно бесшумно. Ещё несколько саженей, и они будут возле егерей.

– Бьём! – рявкнул Данила и выстрелил в ближайшего.

Ударил фузея Митрофана, и дозорные нырнули в рощу.

– Тревога! – крикнул Плахин. – Вашблагородие, передний дозор в бой вступил!

– Всем на борт! – рявкнул прапорщик. – Капитан, готовьте судно к отплытию. – Смаков, людей на галиот! Быстро! Всем изготовиться к стрельбе! Капрал Плахин, отходите следом, как только боковые дозоры подбегут – всех на борт! Если через пару минут они не появятся, отходим без них!

Митрофан обернулся и выстрелил из пистоля в набегающего на него врага. Он выхватил из сумки гранату и щёлкнул курком, выбивая искру.

– Беги, Даня, я их задержу!

– Поздно, – отозвался друг. – От этих уже не убежишь. Обложили. – И потянул из кобур оба пистоля.

Неподалёку грохнуло несколько выстрелов, затем разорвалась одна, вторая граната, ещё ударил выстрел, и стало тихо.

– Бегом! – крикнул подбегающей тройке Плахин. – Где Илья со своими?!

Ниже по течению ударило несколько выстрелов, и на галечную косу выбежал последний боковой дозор. Один из егерей тащил на спине раненого, а другой, пятась, прикрывал его, водя стволом фузеи из стороны в сторону.

– На судно все! – крикнул капрал. – Братцы, стреляйте по кустам, рядом они!

Из зарослей выскочило несколько тёмных фигур, и по ним с борта ударил россыпью ружейный залп. Два стоящих у сходней в воде матроса подхватили у егерей раненого и потащили его вверх.

Заросли осветились вспышками от выстрелов. Пуля ударила Плахина в плечо, штуцер упал на камни гальки, он подхватил его и начал пятиться к воде. В прикрывающей отход пятёрке вскрикнул один егерь, упал второй, его подхватили товарищи и тоже начали пятиться к галиоту.

Бам! Бам! Бам! – оглушительно грохнуло за спиной. Над головой десанта с истошным визгом пронеслась туча свинца. Мелкие шарики ближней картечи впивались в стволы деревьев, срубали ветки и разрывали плоть человеческих тел.

Воспользовавшись заминкой у неприятеля, егеря передали два тела вверх и сами перелезли через борт судна. Матросы скинули сходни в воду, оттолкнулись шестами, и галиот медленно пошёл по течению.

Заряжающий вложил в ствол орудия очередной картуз с картечью, и канонир махнул рукой:

– Подкатывай!

Двое подручных хыкнули и сдвинули шестами-рычагами тяжеленный лафет.

Пуля ударила в борт, выбив из него щепу. Никто этого даже не заметил. Расчёт быстро и слаженно работал у корабельного единорога.

– Клинь убери! – рявкнул дядька. – Ещё один!

Заряжающий выбил банником деревяшку, и ствол орудия немного опустился.

– В сторону! – и канонир прислонил пальник к затравочному отверстию.

Бам! – грохнул оглушительный выстрел, и рой картечи ушёл к берегу.

Галиот с десантом медленно отходил на основное русло, а прикрывающий его, задержавшись, всё бил и бил из всех своих четырёх бортовых орудий.

– Прекратить стрельбу! – скомандовал прапорщик. – На берегу ружейных всполохов не видно, видать, отошли от воды турки. Всем осмотреться! Фурьер Смаков, проверить людей и доложить о потерях.

Командир отряда подсел к бинтующим плечо капрала егерям.

– Что, сильно зацепило?

– Никак нет, вашбродь, – ответил тот, что затягивал узел. – Кус мяса только лишь вырвало сбоку, а кость так-то она совсем целая. Крови, конечно, много вышло, но это ничего, с кровью ведь всякая зараза из раны вымывается.

– Вашбродь, двое с передового дозора у меня не вернулись, – морщась от боли, доложил Плахин. – Данила и Митрофан. Выстрелов пять я насчитал с их стороны, а потом ещё пару раз гранаты рванули – и тишина. Ну после того уже боковые дозоры к нашей косе подбежали, и тут уже возле неё началось. Из тройки Ильи раненым Комова Гордея вынесли. На отходе к кораблю ещё в пару человек попали, тут и у меня пуля плечо рванула, я штуцер подобрал, а что дальше было, не помню. В суе этой запамятовал. Надо бы встать, посмотреть всех.

– Сиди, Семён! – Луковкин положил руку на целое плечо капрала, остановив его. – Сиди и не дергайся, там Смаков всех людей уже проверяет, вот он сейчас и доложится, – и, завидев капитана галиота, направился к нему.

Егеря накинули перевязь на шею Плахину и вложили в неё раненую руку.

– Вот так вот, – удовлетворённо крикнул один из них. – Кажись, плотно всё перетянули? Сильно болит?

– Терпимо, – поморщился капрал. – Ваня, Руднев! – крикнул он, оглядываясь. – У тебя все ли в тройке целые?

К прапорщику Луковкину подскочил с докладом фурьер.

– Ваше благородие, на палубе из наших двое убитых и ещё пятеро раненых. Один из них, Корзин Степан, совсем тяжёлый, сразу две пули ему в спину попали. Ну и двоих ещё нет, тех, что из десятка Плахина.

– Да, я знаю, – кивнул командир отряда. – Семён уже доложил о них, в передовом дозоре те ребята были и самыми первыми они бой приняли. Ты смотри, как турки грамотно действовали, если бы корабельные канониры оплошали, то большую часть отряда они бы на отходе выбили, а то и на галиот потом могли полезть. Не знаю, как там дальше и чего бы у них вышло, но дел бы они натворили! Жалко, не рассмотрели их в темноте, албанские арнауты,

что ли, или янычары? Хотя на янычар такое вовсе не похоже, они всегда своими большими отрядами действуют, а эти прямо как наши егеря орудовали. Странно это как-то всё. Вильям Яковлевич! – окликнул он проходящего мимо капитана. – У вас никого в команде не зацепило?

– Как же, двое ранены, – нахмурившись, проговорил тот. – Одному из швартовой пятёрки ногу прострелили и канониру рикошетом башку отбило. Ладно в темноте этот бой был, не больно-то и выцелишь, а так мы бы больше людей потеряли. Я смотрю, у тебя чуть ли не половина отряда выбита? Что, разворачиваемся и в Измаил возвращаемся?

– Нет, Вильям Яковлевич, – покачал головой прапорщик. – Мы теперь так просто назад не уйдём. Задание для нашего отряда остаётся прежним – разведка турецкого берега. Будем его выполнять теми, кто остался в строю. Неприятель отбил наш десант, мы понесли существенные потери, так что по всякому разумению должны бы оставить мысль о высадке. Мы же с вами спустимся сейчас вниз по течению, и вы нас высадите уже в другом месте. А уж оттуда мы дальше сами к Исакче выберемся.

– Уверен, прапорщик? – Капитан взглянул в лицо командира егерей. – А вдруг и там вас ждёт такая же горячая встреча?

– А-а-а, Бог не выдаст, свинья не съест, – отмахнулся Луковкин. – Вы, главное, Вильям Яковлевич, нас до укромного места подкиньте, а там уж мы сами дальше, где ножками, а где на пузе.

Глава 7. Беслы!

Далеко сзади ухали орудия. Егеря вслушивались в эти глухие раскаты и ёжились то ли от пронизывающего холодного ветра, то ли от предчувствия опасности.

– Что-то уж больно сильно бахают, вашбродь, – кивнул за корму Лужин. – Не похоже на отвлекающих, как будто бы там настоящий бой идёт. Может, кому наша помощь нужна?

– Нельзя нам отвлекаться, Фёдор Евграфович, – покачал головой Воронцов. – У каждого свой участок для высадки и своё особое задание. Нужно успеть до рассвета высадиться и потом от берега подальше уйти. Тут первым у протоки к Тульче отряд Луковкина должен был выскакать, у него унтера и егеря опытные. Если это у них там гремит, то должны сами отбиться.

– Дай-то бог, – проговорил со вздохом Лужин. – А однако, до сих пор ведь бахает. С другой стороны, лучше уж так. Значит, флотские наших не бросили, прикрывают.

– Что, подпоручик, тоже слушаете? – К егерям подошёл командир корабельного отряда Кунгурцев. – Наши, корабельные восьмифунтовики-единороги быют. Я их по голосу различаю. И ведь как часто быют, значит, канониры спешат, поддерживают высокий темп стрельбы. Там галиоты капитан-лейтенанта Беренса Вильяма Яковлевича. Экипажи у него слаженные, отважные, не бойтесь за своих, в беде их не бросят.

– Да мы знаем, господин капитан второго ранга, – уважительно проговорил Воронцов. – И в наших людях мы тоже уверены. Отобьются. Сколько, по вашим прикидкам, нам ещё идти?

Кунгурцев посмотрел на наполненные паруса, взглянул за борт.

– Идём с попутным ветром, ходко. По моим расчётам, к нужному нам месту мы подойдём часа через три. Берег там плохой, сильно подтопленный. Рядом с Исакчей, чуть восточнее её, много озёр и заливных участков. Всё в зарослях камыша и рогоза. Даже не знаю, как вы оттуда выбираться дальше будете. Сухого места ведь совсем не останется, о пороховом и провиантском припасе я уж вообще не говорю.

– Ничего, чем хуже берег, тем нам лучше, – хмыкнул Воронцов. – Значит, меньше вероятности встречи с турецким дозором. А уж об сохранности припасов мы побеспокоились, у каждого в вещевом мешке всё самое нужное в бычий пузырь и в вошанку заложено.

Два галиота пошли дальше в сторону Галаца, им ещё нужно было пройти больше шестидесяти миль и только в следующую ночь высаживать десант, а суда с отрядом подпоручика Воронцова тем временем пошли к берегу.

– Часа два до рассвета, – глухо проговорил Соловьёв. – Похоже, не успеем мы затемно на сухое место выбраться. Евграфович тут в прошлый выход высаживался – места, говорит, гиблые, чуть двое тогда у него не утопи. Шли, шли по проходу между озёр, и передний дозор враз провалился. Одни только головы из трясины торчат. И ведь не крикнешь во весь голос. Ладно хоть наши рядом были, вытащили бедолаг кое-как. Все до нитки вымокли, костёр не разжечь, а тогда ведь ещё холоднее, чем сейчас, было, февраль месяц как-никак. И ведь ничего, никого лихоманка не свалила. Лужин, как только на сухое место вышли, потом целый день всех бегом гнал. Какой уж там холод, вымотались, распарились все знатно.

– У Евграфовича да, у него не забалуешь, – пробасил Леонтьев. – Он по-свойски, эдак по-простецки может и леща кому надо дать, ну или кулаком по рёбрам, если уж совсем неразумный. Да и на язык наш сержант ох и шибко богат! Доходчиво всё объяснит, коли сразу непонятно. Это вам не господа офицеры, – кивнул он на стоящих в носовой части галиота Кунгурцева и Воронцова.

– Сержант Лужин! – донеслось с их стороны, и к офицерам подошёл смуглый со шрамом от ожога на щеке старший унтер.

Троица о чём-то оживлённо заговорила, а Соловьёв проверил стоящий рядом вещевой мешок и вошаную перевязь на замке штуцера.

– Готовьтесь, братцы, похоже, скоро на высадку пойдём, Ефграфович господам место показывает, он-то ведь тут всё знает.

Сидящие рядом егеря зашевелились. Защёлкали крышки на полках у ружейных замков, стукнули о палубу и борт тесаки, послышались приглушённые голоса. Судно изменило свой курс и повернуло резко к берегу.

– К высадке готовься! – скомандовал подпоручик. – Первым высаживается десяток Леонтьева. Соловьёв со своими и звено отборных стрелков – сразу же следом за ним!

Вот и берег. В этом месте не было деревьев и высоких кустов. Куда хватало глаз, виднелась лишь сплошная стена из камышовых и тростниковых зарослей.

– Спустить паруса! – скомандовал капитан. – Руль лево! – крикнул он рулевому. – Прямо! Так держать! Давай помалу! К берегу прижимай!

О борт зашуршали стебли тростника. Судно прошло ещё саженой десять и замедлило ход. Чуть скрипнуло, палубу немного качнуло, и галиот замер.

– Всё, мы на мели, – негромко проговорил Кунгурцев. – Ближе уже никак. Как только вы сойдёте, чуть облегчимся и сами с места стронемся. Давайте на высадку, Андрей Владимирович. С Богом! – пожелал он удачи подпоручику.

Глухо ухнули в тростниковые заросли сходни. Швартовая команда с баграми и концами канатов протопала на берег, а вслед за ней побежали егеря Леонтьева. Три минуты, и они взяли место высадки в большое полукольцо. Через десять минут вернулись два их дозора.

– Ваше благородие, шагах в ста впереди озеро, слева болотина, – доложились старшие пар. – А там вот, справа, русло какой-то реки или широкая протока. Всё вокруг в высокой траве, открытых мест нигде вблизи нас нет. Следов присутствия человека мы не обнаружили.

– Всё правильно, куда надо попали, – с удовлетворением проговорил Лужин. – Похоже, что вот оно, то самое место, про которое я говорил. Лучше бы пока нам тут, вашбродь, отсиждаться. Скоро светать начнёт, а на свету и днём мы таким гуртом запросто можем на глаза чужому попасться. Турки тут на вёсельных лодках могут по озёру и по речушке проплыть, лучше уж не рисковать. А вот пару малых дозоров, из самых умелых егерей, можно бы и послать для разведки дороги.

– Разумно, – согласился с ним Воронцов. – Всё, отчаливайте, Михаил Фёдорович! – крикнул он приглушённо капитану. – Куда нужно вы нас высадили! Дальше мы сами.

Матросы из швартовой команды перебежали на судно, подняли сходни на борт и, поднатужившись, оттолкнулись шестами от берега. Облегчившийся после высадки десанта галиот снялся с мели и медленно пошёл к основному руслу. Вслед за ним, подняв паруса, направился и прикрывающий.

– Удачи вам, братцы! – донеслось уже из полной темноты.

– Дежурство тремя парными постами, – распорядился Воронцов. – Леонтьев, твоему десятку первым стоять. Фёдор Евграфович, выберешь сам, кого в дальний дозор послать. Всем остальным, кто не в караулах – отдыхать! Никому не шуметь, огонь не разводить, по берегу не лазить и траву не мять, чтобы следами себя не выдать!

Три парных караула, шелестя тростником, нырнули в высокие заросли. Остальные егеря выбрали место посуше, если это слово вообще было применимо к данной местности, развернули пологи и под морозящий сверху дождь сбились в небольшие кучки.

– Ваше благородие, – обратился к командиру отряда Лужин, – отобрал я двоих ребятков для дальнего поиска, только с ними бы нам с Леонтьевым Михаилом самим лучше идти, – кивнул он на стоящего за спиной фурыера. – Я ведь тут уже был давеча и мне местность эта немного знакомая, ну а Мишка, он из потомственных охотников и рыбаков. Всю свою прошлую жизнь на лодке в таких же вот затонах у Буга и лимана провёл. Отпустите вы нас, а то пропадут

неопытные, тут ведь места ох и гиблые. А уж мы-то с ним точно везде пройдем и самый лучший путь для отряда разведаем.

– Ну ладно ты, Фёдор, мой заместитель, справлюсь, если что, без тебя. А как же Леонтьев, у него ведь целый десяток сейчас за его спиной? – нахмурившись, произнёс Воронцов.

– Ваше благородие, так у меня же Соловей в помощниках, – пробасил Михаил. – Виноват, то есть капрал Соловьёв. А Ваня, он командир усердный, и уважение у ребят к нему большое. Дозвольте, вашбродь, с Евграфовичем нам пробежаться?

– Ладно, будь по-вашему, – подумав, согласился подпоручик. – Может, и правильно это. Кто другой сумеет в этих топях пройти, как не вы? Только давайте так, Фёдор Евграфович, срок вам на всё до вечера. Если не успеете к сумеркам обратно вернуться, то мы идём всем отрядом сами. Долго нам тут сидеть без движения тоже ведь не с руки, вымерзнем. Снизу вода, – топнул он по раскисшей, мягкой земле, – сверху тоже, – кивнул он на чёрное, застланное тучами небо. – Да и река с протокой совсем рядом. Вдруг и правда турки на лодках осмотр будут вести.

– Раньше мы, господин подпоручик, вернёмся! Тьфу, тьфу, тьфу, – сплюнул Цыган через левое плечо. – Ну тогда мы пошли потихоньку, пока ещё темно, а, ваше благородие?

Две пары егерей нырнули в заросли, и на стоянке стало тихо. Только лишь шуршали листья тростника от дующего с реки ветерка и капли дождя глухо били по плотной, хорошо провощённой парусине.

– Дрозд, за мной след в след иди, – прошептал Лужин. – Тут рядом три озера совсем близко друг с другом сходятся, место это чуть выше остального, но ямы и здесь тоже попадаются. Не заметишь бочажину, хорошо если до пупа, а то можешь и с головой провалиться.

Второй час пробиралась пара Лужина по низменной, заливной равнине. Небо с восточной стороны посветлело и стали видны предметы на расстоянии сотни саженей. Егеря прошли ещё пару сотен шагов, и впереди замаячило какое-то тёмное пятно.

– Ага, вот мы и доходим, – негромко пробормотал сержант. – Это как раз то самое, узкое место между тремя озёрами, про которое я тебе рассказывал. А вон, видишь, темнеет? Там несколько ив растёт. Не сильно высоких, конечно, но зато шибко раскидистых. С них хорошо можно будет вокруг оглядеться. Пошли, Савелий, вот там под ними мы и передохнём.

Пара егерей, стараясь не оставлять широкого следа, прошла до деревьев и расположилась под ними.

– Перекусим, может, Фёдор Евграфович? – предложил Дроздов. – А то кто его знает, когда ещё сможем.

– Доставай, – согласился сержант. – Нам, Савелий, лучше пока тут полежать и оглядеться. Место это хорошее, с него далеко вокруг видно, особенно если на какую-нибудь из этих ив залезть. Благодарствую, – кивнул он, принимая от товарища большой кус вяленого мяса и сухари. – Ты это, как только мы подкрепимся, и пока совсем не рассвело, на самое раскидистое дерево вскарабкайся. Схоронись в развилке и не двигайся. Главное, оглядывай всё внимательно. В сетке нашей хорошо будешь с кроной сливаться. Тут и вплотную, если будешь смотреть, даже не заметишь.

Запив водой из фляги еду, Савелий оглядел все семь деревьев, выбрал самое, по его мнению, удачное и сноровисто на него вскарабкался. Часа три егеря вели наблюдение за окрестностями. Все три озера были отсюда видны как на ладони, да и всё это море колышущейся на ветру высокой травы вокруг было у них перед глазами.

– Кажись, это я дорогу вижу, Евграфович, – проговорил негромко Дроздов. – Далеко, конечно, она, еле глаз цепляется, но уже в пятый раз в одном и том же месте кто-то мелькает.

– Так и есть, – ответил лежащий за стволом Лужин. – Как я понял, там по сухому месту дорога от Исакчи к Тульче и к Бабадагу проходит. Ты речку никакую не видишь с правой стороны, ту, которая в южное озеро заходит?

– Поблёскивает вроде что-то, – пробормотал Савелий. – Трудно сказать – или это старица, или же и правда река.

– Река, – уверенно заявил Цыган. – Вот она-то и приведёт прямо к большому селу. До него отсюда вёрст десять. А дорога, кстати, через реку по мосту проходит. Хлипкий такой мостик, старенький, – вспоминал Лужин, – и оба речных берега кое-где сильно травой и кустами заросшие. Савелий, на озёрах ничего подозрительного не замечал? Может, точка какая, или блеснуло чего?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.